
АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XX ВЕКА
ФОНД ИМЕНИ НИКОЛАЯ БУХАРИНА
И АННЫ ЛАРИНОЙ-БУХАРИНОЙ

ДБ

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО-XX

- Г.А. Бордюгов главный редактор
А.И. Ушаков генеральный директор
- К. Аймермахер Рурский университет в Бохуме
Д. Байрау Тюбингенский университет
В. Берелович Высшая школа по социальным наукам, Париж
Р. Бургер INTAS, Брюссель
Б. Бонвеч Рурский университет
Х. Вада Токийский университет
А.Ю. Ватлин МГУ им. М.В. Ломоносова
Л.С. Гагагова Институт российской истории РАН
П. Гобл Фонд Потомак
Г. Горцка Кассельский университет
А. Грациози Университет Неаполя
Р.У. Дэвис Бирмингемский университет
Е.Ю. Зубкова Институт российской истории РАН
Ст. Козн Принстонский, Нью-йоркский университеты
Дж. Д. Морисон Лидский университет
В. Молодяков АИРО-XX, университет Такусёку
В.А. Невежин Институт российской истории РАН
Н. Неймарк Стэнфордский университет
Д. Рейли Университет Сев. Каролины на Чапел Хилл
Б.В. Соколов Московский государственный социальный университет
Т. Филиппова Российский исторический журнал «Родина»
Я. Хоулетт Кембриджский университет
Ю. Шеррер Высшая школа по социальным наукам, Париж

Представители АИРО-XX в Российской Федерации

- В.М. Бухараев Казань
А. В. Венков Ростов-на-Дону
В.И. Голдин Архангельск
В. А. Дробышев Старый Оскол
В.А. Исаев Новосибирск
В.В. Канищев Тамбов
А.Г. Макаров Москва
Н.А. Постников Курск
Е.М. Раскатова Иваново
В.П. Федюк Ярославль
Т.А. Чумаченко Челябинск

Дмитрий Андреев
Геннадий Бордюгов

ПРОСТРАНСТВО
ВЛАСТИ

от Владимира Святого
до Владимира Путина

Краткий курс

Москва — С.-Петербург
2004

Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. **Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс. X–XXI вв.** – М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 160 с.

ISBN 5-88735-125-X

ISBN 5-86007-439-5

Избранный авторами книги необычный жанр «краткого курса» позволяет рассмотреть проблему функционирования властной инфраструктуры России на всём протяжении её более чем тысячелетней истории, показать взаимосвязь между особенностями управления государством и моделями его развития.

Художественное оформление: *Евгений Марков*

Дизайн и верстка: *Сергей Щербина*

Издатель: *Александр Ушаков*

ISBN 5-88735-125-X

ISBN 5-86007-439-5

© Авторы, 2004

© АИРО-XX, оформление, 2004

Содержание

Введение _____ 7

I. Власть и древнерусская государственность: первая мобилизация и первая стагнация. *Пространство власти в Киевской Руси* • *Элиты и домены: основные режимы и их функционирование* _____ 15

II. Сотворение Третьего Рима: Московское вселенское православное царство и престол его владык. *Новое «царство» для Руси* • *Носители власти на пути к обретению максимально возможного суверенитета* • *Самодержавный домен в новой конфигурации пространства власти* • *Мобилизация Ивана Грозного* _____ 32

III. От стагнации – к Смуте: трансформации пространства власти. *«Незаметная» мобилизация Бориса Годунова* • *Инобытие власти в ситуации Смуты* _____ 51

IV. Романовская Россия на распутье: власть между мобилизацией и модернизацией. *Возрождение власти из пламени Смуты* • *Начало «бюрократического самодержавия»: от обеспечения полноты царского суверенитета – к поиску оптимальных технологий его трансляции* • *«Бюрократическое самодержавие» в тисках «бюрократической стагнации»* _____ 56

V. Парадокс Петра Великого: мобилизационный рывок в модернизацию. *Конструирование эффективного государства* • *Эффективное государство как «бюрократическое самодержавие»* _____ 61

VI. Носители власти и элита в послепетровском пространстве власти. *Эксперименты эпохи дворцовых переворотов: от одворянивания бюрократии до институционального конструирования* • *Политическое обустройство модернизационной среды: екатерининский либерализм* • *Павловское «контрнаступление» на элиту и ревизия петровской модели эффективного государства* _____ 69

6 Пространство власти

- VII. «Самодержавный псевдоконституционализм» Александра I. *«Отсроченное» правительство самодержавия и элиты* • *Государь-модернизатор* • *Идеологическое обеспечение «высочайшей модернизации»* • *Бюрократическая элита как «виртуальный» правитель* _____ 76
- VIII. Самодержавное связывание взаимной ответственностью против бюрократического обволакивания. *Технология власти Николая I* • *Элита как «лоббист» модернизации* _____ 85
- IX. Пространство власти между самодержавием, бюрократией и «общественностью». *Миф об «общественности»* • *«Общественность» и «либеральная бюрократия» как продукты режима модернизации* • *От Великих реформ – к обвальнoй модернизации* _____ 90
- X. Попытка свёртывания модернизации и гибель самодержавия. *Ревизия петровского образа верховной власти* • *«Новый курс» самодержавия* • *От «конституционного самодержавия» – к «Новой Смуте»* _____ 97
- XI. Возрождение мобилизации. *Пространство Советской власти* • *«Молодое вино в старых мехах»: новая элита идёт проторённым путём* • *Сталинская технология нейтрализации элиты* • *Непривычные функции режима* • *«Осень патриарха»: генералиссимус «вспоминает» о домене* _____ 106
- XII. Режим номенклатурной стагнации: вехи деградации власти. *Установление господства партийной олигархии* • *Пространство власти в эпоху «подконтрольных» вождей* • *Номенклатурный контроль «теневой экономики»* • *Несостоявшаяся мобилизация* • *«Генеральный лоббист»* • *Пространство власти на «качелях» выбора* _____ 129
- Стратегическая развилка 2004 года. Вместо заключения _____ 152

Введение

Пространство власти – своеобразная сфера, где принимаются управленческие решения и осуществляется непосредственное руководство государством. Это специфическая область взаимодействия как отдельных личностей, так и целых корпоративных групп или системных институтов; некий ареал, в пределах которого справедливо утверждение: «Власть вершится здесь».

«Пространство власти» более ёмко и содержательно в смысловом отношении, нежели прочно вошедшие в историко-политологический обиход словосочетания «технология власти» или «механизм власти». Последние подразумевают только лишь функционирование власти. Между тем, пространство власти включает в себя характеристику всей инфраструктуры, обеспечивающей тот или иной управленческий режим. Иными словами, при описании технологии или механизма внимание преимущественно сосредотачивается на принципах работы некоего двигателя, в стороне оставляется взаимосвязь работы этого двигателя с предназначением всей машины, которую он приводит в действие. Пространство власти оценивает эффективность такого «двигателя» именно с точки зрения целевого использования указанной «машины». Оно задаёт определённую систему координат, в пределах которой сам исторический анализ становится более структурированным и цельным благодаря

развёрнутому во времени рассмотрению феномена власти.

В пространстве власти разворачивается многовековое драматическое противостояние двух главных игроков: **н о с и т е л я в л а с т и и э л и т ы**.

В реалиях нашей исторической традиции, для которой в принципе характерна тенденция к персонификации и концентрации руководства, **н о с и т е л ь в л а с т и** обозначает номинального и одновременно фактического верховного правителя – великого князя, царя, императора, партийного вождя или президента.

Э л и т а – не просто некий конгломерат групп, приближенных к власти. Как и носитель власти, элита является неотъемлемым и неперменным «обитателем» пространства власти в силу того, что именно через неё этот носитель исполняет управленческие функции. Элита, таким образом, оказывается неизбежным инструментом властвования и обретает достаточную управленческую компетентность, которая позволяет не только конкурировать с правителем в пространстве власти, но и в случае необходимости фактически замещать его. В эпоху Средневековья элита комплектовалась по сословному принципу. С наступлением Нового времени этот принцип стал всё более и более вытесняться иным, ориентированным на профессиональную подготовку и причастность к чиновничьей корпорации. Тождественность элиты и бюрократии не только сохранилась после 1917 г., но и просуществовала до наших дней.

Домен – ещё один ключевой термин. Под ним подразумевается личная опора правителя в его противостоянии с элитой в пространстве власти. Такая опора может быть как просто силовой, так и более сложной: сословно-корпоративной или институциональной. При этом сам домен вовсе не становится обязательным атрибутом пространства власти. Иногда он оказывается гораздо более эффективным, будучи выведенным (целиком или частично) за пределы данного пространства.

«Пространство власти», «носитель власти», «элита» и «домен» – это своего рода смысловой каркас настоящего «краткого курса». Чтобы продемонстрировать его адекватность описываемым далее историческим реалиям, необходимо наполнить указанные понятия конкретным содержанием именно в контексте той специфической модели, по которой Россия развивалась в течение всего своего многовекового существования.

Для Запада оптимальной моделью развития стала *модернизация* – эволюционное обустройство бытия как отдельной личности, так и в целом всего общества в системе ценностей либерализма и поступательного прогресса. Поэтому в рамках данной политической культуры эмансипация превратилась в главный смысл человеческой деятельности. Парцелляция (т. е. фрагментация жизненного пространства на ячейки индивидуального существования) социального организма усиливалась по мере девальвации основополагающей средневековой ценности – представления о всеедин-

стве христианского мира. Правда, в результате эмансипации данное представление оказалось вовсе не отвергнутым, а просто «переформатированным». Всеединство религиозное оказалось подменённым всеединством, основанным на балансе интересов. Поиск такого баланса не оставлял альтернативы общественной самоорганизации, в которой власть играла, скорее, обеспечивающую роль – неважно, «ночного сторожа» или же высококлассного менеджера.

Вся наша история была связана с принципиально иным – *мобилизационным* – развитием. Подобное движение – нелинейное, а значит и неспособное осуществляться по модели эволюционной модернизации. Здесь работает совершенно иная схема. Вызванная потребностью разрешения системных кризисов предельная концентрация национально-государственных ресурсов, выполнив своё целевое назначение, ослабевает, и начинают «проедаться» накопленные «запасы». Когда «проедать» уже больше нечего, опять наступает кризис, для преодоления которого снова требуется мобилизация.

Модернизация неизбежно предполагает соучастие в управлении всего гражданского общества, которое, таким образом, фактически совпадает с пространством власти. То есть народ не только не выведен за границы этого пространства, но и является его важнейшим субъектом (см. в приложении рисунок 1). Поэтому власть, функционирующая в режиме модернизации, всегда пребывает в рассредоточенном состоянии. В России не было гражданского общества, и свойственная ей мобилизационная модель развития неизбежно требовала максимальной концентрации власти.

История России убедительно свидетельствует, что даже находящаяся в одних руках власть может быть сильной и слабой, эффективной и малопродуктивной. Причиной этого является её важная традиционная особенность: она по природе своей никогда не была институциональной, но всегда – идеократической, в полную силу раскрывающейся именно в состоянии мобилизационного рывка.

Налицо замкнутый круг: с одной стороны, власть концентрирована именно потому, что предназначена для организации и обеспечения такого рывка; с другой стороны, сами потребности мобилизационного развития творят именно такую власть, которая окажется способной выполнить возложенную на неё задачу, т. е. власть максимально концентрированную. Именно поэтому если представить себе власть в виде некоего энергетического поля, то центром данного поля окажется носитель власти. Энергия его власти – это энергия мобилизации. Во время мобилизационных рывков такая энергия превращала элиту в послушный инструмент в руках правителя (см. рисунок 2).

По мере «остывания» мобилизации напряжённость такого энергетического поля падала, и, следовательно, сокращались управленческие возможности носителя власти. Элита же, напротив, стремилась из инструмента стать самостоятельным субъектом, потеснив или даже нейтрализовав слабеющего носителя власти. Периоды стагнации становились, таким образом, эпохами её реванша. При отсутствии институциональных ограничений правителей именно элита оказывалась единственной силой, способной

на них воздействовать. Следовательно, по степени её влиятельности можно судить как об уровне концентрации, так и об эффективности власти.

Иными словами, мобилизация – это оптимальный режим существования для носителя власти, а стагнация – для элиты. Весьма симптоматично, что именно в ситуациях стагнации Россия и впадала в разнообразные модернизационные эксперименты, примеряя к себе те или иные элементы западной модели развития. Но подобная модернизация на поверку оказывалась лишь поверхностным копированием европейского опыта, по сути же она коренным образом отличалась от него, становясь своеобразной мобилизацией «наоборот» или мобилизацией, «вывернутой наизнанку». На Западе модернизация «подогревалась» энергией общественной самодеятельности на базе всестороннего согласования интересов. В России же элита видела в модернизации наилучший способ собственного обустройства, торопливо осуществлявшегося на энергии «остывающей» мобилизации (см. рисунок 3).

Очевиден не только паразитический характер такой «модернизации», но и её главный смысл, заключающийся отнюдь не в обеспечении стратегических приоритетов развития, а в банальной «перекройке» пространства власти, «утряске» и «сшибке» интересов различных кланов и группировок, составлявших элиту. Стремительное убывание энергии предыдущего мобилизационного рывка вынуждало элиту раскручивать «модернизацию» в спешке. Собственных «генераторов» у неё никогда не было, и надо было успеть довершить своё обустройство, пока ещё остатки мобилизационной энергии не прожжены

полностью, и не наступил кризис (см. рисунок 4). Ведь любой кризис рано или поздно, но неизбежно вызовет к жизни новый мобилизационный рывок, который ликвидирует старую элиту и «призовет» из народа, обыкновенно находящегося вне властного пространства, новую.

Заимствование западного опыта модернизации в российских условиях оборачивалось наращиванием деструктивных антигосударственных тенденций, протагонистом которых становилась так называемая *модернизационная среда*, состоявшая не только из элиты, но и из обслуживавших её интересы чиновничьих, интеллектуальных и культурно-просветительских корпораций, не допущенных в пространство власти. Эта среда вырабатывала новые культурные стереотипы, которые по внешним признакам вполне соответствовали модернизационным ценностям (эмансипация личности, гражданское общество и т. д.), однако, в основе своей имели чётко выраженную антимобилизационную направленность. При взаимосвязанности и неразрывности власти и её носителя с процессом мобилизации и в целом всей государственностью подобная мировоззренческая установка неизбежно содействовала расшатыванию и обрушению смыслового каркаса, поддерживающего историческое бытие России (см. рисунок 5).

Следует обозначить ключевые для пространства власти зависимости:

эффективности власти – от её пребывания в состоянии мобилизационной концентрации,
полноты суверенитета – от способа употребления его потенциала,

управляемости элиты – от избранного правителем
стиля взаимоотношений с нею,
устойчивости домена непосредственно самого
господствующего субъекта – от политической
конфигурации его поддержки.

Проблема власти является ключевой для изучения политической истории России. Однако, несмотря на всё возрастающее количество исследований, посвящённых данной проблеме, предлагаемый «кратким курсом» подход позволяет взглянуть на неё по-новому, увязывая воедино динамическую картину функционирования властной инфраструктуры и особенности исторического развития государства.

«Краткий курс» может восприниматься как определённая аллюзия. Однако предлагаемая интерпретация – это предварительный абрис исторического бытия пространства российской власти. Быть может, со временем он превратится сначала в более проработанный и детализированный чертёж, а затем – и в воссозданную по такому чертежу действующую модель, наглядно демонстрирующую часто незаметную и потому столь же часто игнорируемую структурную взаимозависимость фактов минувшего.

І. Власть

и древнерусская государственность: первая мобилизация и первая стагнация

Пространство власти в Киевской Руси

Древнерусская государственность сложилась в процессе первого мобилизационного рывка, продолжавшегося – с различной интенсивностью – около двух столетий: от легендарного призвания варягов и до смерти Ярослава Мудрого. Кроме того, на протяжении этого периода интенсивно структурировалось и само пространство власти. Изначальная элита – племенная верхушка – активно содействовала данному процессу. Осознавая собственную неспособность превратиться в субъект государственного строительства и одновременно ощущая острую потребность в неких новых принципах организации восточнославянского племенного общества, эта верхушка призывала извне носителя власти, олицетворяемого князем с дружиной. летописное предание о жившем в первую половину IX в. новгородском старейшине Гостомысле, завещавшем пригласить варягов, указывает на наиболее раннее из известных нам на сегодняшний день проявление данной тенденции.

Легитимация призвания сводилась к простой и чётко выраженной формуле наведения порядка. В «Повести временных лет» приводится именно такое объяснение:

«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами».

Характерно, что первым Рюриковичам удавалось относительно легко подчинять себе именно те племена, в которых верхушка была уже значительно обособлена от основной массы населения. Там же, где традиции общинного самоуправления оставались по-прежнему сильными и, следовательно, знать, заинтересованная в скорейшем оформлении государственных отношений, не обладала достаточным властным ресурсом, киевские князья сталкивались с сопротивлением. Например, подчинение Киеву земли Древлян, пока ещё лишённых развитой социальной стратификации, растянулось на многие десятилетия.

По мере собирания вокруг Киева основных племенных союзов Среднего Поднепровья взаимоотношения между носителем власти и элитой усложнялись, утрачивая прежнюю одномерность. Племенная верхушка вытеснялась на периферию пространства власти или вовсе за его пределы, и дружина начинала играть роль элиты. Традиционно она представляла собой сообщество воинов равных между собой и в значительной степени равных своему предводителю. Иными словами, дружина вместе с возглавлявшим её вождём – это своеобразная «компания друзей». Соответственным образом выглядела и княжеская плата, напоминавшая, скорее, благодарность или поощ-

рение, жалуемые дружине «не в службу, а в дружбу». Подобная практика уходила своими корнями в далёкое прошлое. Ещё Тацит, касаясь взаимоотношений вождей германских варварских племён со своими соратниками, отмечал, что их регулярные совместные трапезы

«заменяют жалование за службу».

Пиры удовлетворяли даже не столько сугубо материальные потребности элиты, сколько гораздо более существенные её мотивации. Соединяясь с вождём в данном ритуальном действе, дружина оказывалась сопричастной его доблести, сакральным свойствам и, наконец, власти, а, следовательно, значительно поднимала собственный статус на фоне остального племенного мира. Более того, элита в прямом и переносном смысле «кормилась» именно вождём, а не традиционными институтами, с помощью которых самоорганизовывалось варварское сообщество.

Восточнославянское полюдьё – типичный пример подобного «кормления». Несмотря на прекращение практики полюдьё после гибели Игоря в земле Древлян и установления Ольгой принципиально иной схемы сбора дани, «кормленческая» сущность взаимоотношений между носителем власти и элитой не только не исчезла, но стала развиваться и далее. При Владимире Святом, в конце X – начале XI вв., в целом завершилось складывание самого пространства власти, т. е. оформился определённый поведенческий этос, закреплявший за князем и его дружиной фиксированные ролевые функции в управлении государством. Яркий пример проявления подобного

этого – эпизод, помещённый под 996 г. в «Повести временных лет». Владимир начал устраивать на княжеском дворе регулярные богатые пиры для дружинников. Они же стали упрекать владыку за то, что на этих трапезах им выдаются не серебряные, а деревянные ложки. Услышав подобное роптание, Владимир распорядился сделать для пиров серебряные ложки. Князь так объяснил своё решение:

«Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра».

Это высказывание устанавливало на многие века вперёд своеобразную формулу мобилизационного целеполагания: богатство – не смысл, а всего лишь условие или средство властвования. Отсюда носитель власти для успешного отправления своих функций должен был не накапливать, а грамотно перераспределять материальные блага, направляя значительную их долю на «прикармливание» элиты.

Данная установка вынуждала носителя власти поддерживать необходимый для бесперебойного поступления богатства режим мобилизации и определять для этой цели стратегические прорывные приоритеты развития. А в обязанности элиты входило претворение в жизнь данных приоритетов. Очевидна и её непосредственная заинтересованность в результатах мобилизационных проектов, от успеха которых напрямую зависело количество выдаваемого правителем «корма». Хотя, конечно, такие мотивационные «ножницы» между соображениями высокой политики и приземлённой заинтересованностью в увеличе-

нии «корма» становились миной замедленного действия, которая неизбежно должна была взорваться, как только мобилизация «остынет».

Правда, в системе ценностей раннесредневековой культуры элита материальному достатку предпочитала именно знаковое «окормление», делавшее её причастной процессу властвования. Подобные обоядные для князя и дружины подчёркнуто «невещественные» стимулы вовлечения в мобилизационные проекты придавали исключительное значение строгим морально-этическим нормам, жёстко регулировавшим взаимоотношения в пространстве власти. Ведь «рыцарский» этос вообще являлся системообразующим началом Средневековья. По словам Л.П. Карсавина, сущностью феодализма была

«верность, получающая конкретное выражение в договоре, а по существу своему соединённая с некоторою идеею определённого обычая, определённой формы отношений и личной связи двух индивидуумов».

Однако такой порядок вещей начал меняться сразу же, как только при Владимире Крестителе оформилось пространство власти. Крещение Руси кардинально преобразило образ носителя власти. Принятие восточного христианства с характерной для него и апробированной в Византии «симфонией властей» (когда светское и духовное господства соединялись в лице кесаря, оставаясь при этом не растворёнными друг в друге, а также одновременно не отделимыми друг от друга) неимоверно возвышало князя именно как носителя власти.

На знаковом уровне эта новая ситуация очень чётко обозначилась, в частности, в употреблённом

митрополитом Иларионом в «Слове о Законе и Благодати» титуловании Владимира «каганом». Заимствование не просто инокультурного образа, но наименования правителя Хазарского каганата, являвшегося в недавнем прошлом главным геополитическим оппонентом Киева, да к тому же ещё и исповедовавшего враждебный христианству иудаизм, в духе собственной средневековой культуре склонности к смысловым перевёртышкам резко усиливало величание древнерусского государя. Дистанция между ним и дружиной стремительно разрасталась, что неизбежно вело к выхолащиванию их прежних взаимоотношений. Ценности «дружбы» и «верности» всё больше трансформировались в фетиши, почитаемые просто «по инерции».

Представления же о служебном долге дружины перед князем, напротив, усиленно нагнетались, постепенно превращаясь в единственно возможную и допустимую мотивацию, заставлявшую элиту брать на себя те или иные управленческие функции. Восприятие дружины как неотъемлемой части образа государя переставало быть чем-то само собой разумеющимся.

В этой ситуации элита начинала осознавать собственные корпоративные интересы, обеспечение которых позволило бы «застолбить» своё присутствие в пространстве власти. Теперь, когда «окормление» сопричастностью к сакральной фигуре правителя всё больше становилось формальным ритуалом, элита сконцентрировала усилия на том, чтобы употребить стремительно убывающий ресурс её влияния на вырывание из рук государя максимально возмож-

ного количества конкретно-ощутимого «корма». Концы мотивационных «ножниц» между устремлениями носителя власти и элиты расходились всё дальше и дальше.

Наиболее очевидно данная тенденция проявлялась в расслаивании дружины на «старшую» и «младшую». «Старшая» получала от князя наследственные земельные владения – вотчины. В отличие от «младших» дружинников, по-прежнему остававшихся инструментом княжеской власти, вотчинники постепенно превращались в устойчивый самостоятельный слой, начинавший постепенно воспринимать себя как нечто отдельное, независимое, обладавшее собственным суверенитетом. По мере сворачивания мобилизации подобные «сепаратистские» устремления выходили из-под контроля носителей власти, которым не оставалось ничего другого, как рассматривать таких вотчинников уже не как ближайших соратников, а как своих представителей на местах. То есть статус вотчинников оказался во многом схожим со статусом племенных старейшин, некогда приглашавших князей для выстраивания государственности.

К середине XI в. элита, через которую Киев управлял Древнерусским государством, включала в себя как старую племенную знать (точнее, потомков той её части, которая ещё раньше успела и смогла выгодно обменять свои архаичные общинные должности на места в ближайшем государевом окружении), так и новых вотчинников, наделённых землёй непосредственно самими киевскими владыками. Из этих двух групп и образовалось боярство, двойст-

венная природа которого проявилась в разделении бояр на княжеских (вотчинников из «старшей» дружины) и земских (потомков племенной знати). И уже не дружина, а именно боярство стало исполнять в пространстве власти роль элиты.

Упрочение позиций интенсивно усиливавшихся вотчинников неизбежно вело к трансформации политического самосознания боярства, ставшего с наступлением периода княжеских междоусобиц претендовать на качественно иную роль в пространстве власти. Мобилизационный рывок первых Рюриковичей завершился при Ярославе Мудром созданием мощного и процветающего Древнерусского государства. По мере осуществления данного рывка центр политического господства всё более уплотнялся и идентифицировался с образом носителя власти – великого князя киевского. Однако на этом фоне подспудно вызревал и другой процесс – постепенного превращения боярства из инструмента великого князя в самостоятельный политический субъект.

Этому процессу в немалой степени способствовал и новый порядок наследования власти, установленный завещанием Ярослава Мудрого. Распределив древнерусские города по мере их значимости по старшинству между своими сыновьями, он, по сути, распространил принцип «кормлений» и на весь Дом Рюриковичей, разобравших земли Киевской Руси на правах «отчин», т. е. наследственных владений.

С установлением такой системы наследования княжеских столов в пространстве власти возникла своеобразная гомогенная среда, во многом уравнивавшая мотивационные установки и интересы клана

Рюриковичей, этого уже «коллективного» носителя власти, и боярской элиты. И те, и другие стали обу- страивать собственные владения. А такие смыслы, как известно, «гасят» мобилизацию и создают благо- приятные условия для стагнации.

И стагнация не заставила себя долго ждать. Она проявилась в охвативших Древнюю Русь усобицах. Безусловно, нельзя полностью уподоблять княже- ские «отчины» боярским вотчинам, усматривая в их очевидной схожести проявление тотальной «прива- тизации» государственности. Возникшая система княжеств Ярославичей не разрушала политического единства Руси. Более того, сама междоусобная борьба Рюриковичей во второй половине XI – начале XII вв. за наиболее значимые в стратегическом отношении столы убедительно свидетельствовала о том, что они по-прежнему продолжали воспринимать Киевскую державу как нечто цельное и неделимое.

В пространстве власти, точнее, в той его части, где размещался «коллективный» носитель власти, возникла специфическая бинарная конструкция, во- плотившаяся в единстве «отчинной» системы и ие- рархии столов, возглавляемых великим князем киев- ским. Правда, данная конструкция «работала» только при эффективном киевском правителе. А таковыми в эпоху усобиц можно считать лишь Владимира Мо- номаха и отчасти его сына Мстислава. Однако их удачи были результатами вовсе не новых мобилиза- ционных проектов, а просто итогом сочетания бла- гоприятно складывавшейся ситуационной конъюнк- туры и личностного фактора самого владыки. Ведь мобилизация невозможна без определённой чёткой

системы подчинения элиты носителю власти. При Мономахе же и тем более при Мстиславе такое подчинение было спорадическим, подстёгиваемым, как правило, лишь внешней угрозой со стороны кочевников или же жизненной необходимостью навести элементарный порядок в Думе Рюриковичей.

Как только после смерти Мстислава в 1132 г. на Киевском столе перестали восседать сильные фигуры, незамедлительно рассыпалась и сама изобретённая Ярославом Мудрым бинарная конструкция, интегрировавшая «коллективного» носителя власти. Кончилось время усобиц «ради» сохранения единого политического пространства. «Коллективный» носитель власти раскололся на множество «суверенных» правителей, и наступила эпоха раздробленности.

Эта новая реальность оказалась чрезвычайно выгодной боярской элите. Привязанная к своим вотчинным владениям, она оказалась заинтересованной в обеспечении собственных интересов именно на местном или региональном, а не на общегосударственном уровнях. А фрагментация единого политического пространства объективно отвечала этим потребностям. Запущенная «коллективным» носителем власти раздробленность создавала благоприятные условия для вотчинного обустройства боярства. К тому же обволакивать удельных владык, «перекачивать» их суверенитет в собственную влияние, меняя тем самым конфигурацию сил в пространстве власти, было гораздо легче в рамках отдельного княжества, а не всего Древнерусского государства.

Впервые в своей истории Киевская Русь оказалась в состоянии стагнации, деструктивной и губи-

тельной для князей как носителей власти и максимально благоприятной для боярской элиты. Тем не менее, характерные для Средневековья служебные отношения между вотчинниками-вассалами и их пускай во многом номинальными, но всё-таки суверенами из Дома Рюриковичей по-прежнему оставались скрепой, удерживавшей пространство власти в состоянии системности, минимально необходимой для сохранения элементарных основ государственности.

Элиты и домены: основные режимы и их функционирование

Степень стагнации, охватившей земли Древнерусского государства, напрямую зависела от того, насколько боярству удавалось перекроить в свою пользу пространство власти.

Значительное влияние оно обрело в Галицко-Волынской Руси. Плодородные земли этого края способствовали стремительному усилению вотчинников. Непрерывавшаяся междоусобная борьба их группировок, опиравшихся то на Польшу, то на Венгрию и манипулировавших княжеской властью в собственных сугубо корпоративных интересах, непомерно ослабляла Галицко-Волынскую Русь и облегчала внешнюю экспансию со стороны как европейских соседей, так и впоследствии монголов. Попытки отдельных князей сопротивляться таким группировкам оказывались малоэффективными. Наиболее успешной здесь была политика Даниила Галицкого. Ему удалось на некоторое время ослабить боярскую

фронду. Слова, сказанные Даниилу одним из его дружинников, стали своеобразным лозунгом борьбы князя с боярством:

«Не передавив пчёл, мёда не отведаешь!»

Но даже Даниилу не удалось вывести Галицко-Волынскую Русь из глубокой стагнации, усугублявшейся на протяжении многих десятилетий хищническим боярским правлением. В итоге эти богатые земли оказались захваченными литовцами, поляками и венграми.

Однако, несмотря на всю влияние боярства в Галицко-Волынской Руси, оно здесь всё-таки не обрело безраздельного политического господства, так как было вынуждено постоянно сопротивляться княжеским попыткам восстановить собственную власть. Единственной из древнерусских земель, где вотчинной элите удалось сосредоточить в своих руках абсолютный суверенитет, стал Новгород. Удачное расположение Новгорода на единственном торговом речном пути, связывавшем Киевскую Русь с Балтикой и Северо-Западной Европой, предопределило и местную специфику развития боярства. В отличие от других земель, основу его процветания составил торговый капитал.

К середине XII в. Новгород окончательно выпал из созданной Ярославом Мудрым системы наследования столов. Вся власть на огромной территории от Белого до Балтийского моря оказалась в руках возвращённой на транзитной торговле знати и избиравшихся из её среды посадников. Новгородские князья яв-

лялись, по сути, наёмными чиновниками, с которыми боярская олигархия заключала договор через псевдодемократическую процедуру голосования на народном вече. Сфера компетенции князя была здесь ограничена исключительно функцией защиты от внешней экспансии. Князю с дружиной запрещалось даже находиться внутри городской черты: они проживали в особом княжеском городище, находившемся за пределами Новгорода.

Однако и при таком политическом режиме бывали случаи, когда знать, неспособная самостоятельно разрешить конфликтные ситуации с новгородским чёрным людом, оказывалась вынужденной прибегать к князю как третейскому судье. Подобные прецеденты со всей очевидностью свидетельствовали о неэффективности боярского олигархического правления, а также объясняли ту лёгкость, с которой впоследствии Ивану III удалось присоединить Новгород к Московскому царству.

Лишь во Владимиро-Суздальской земле княжеская власть сохранилась в период раздробленности в наибольшей полноте, а с середины XII в., благодаря деятельности Андрея Боголюбского и его брата Всеволода Большое Гнездо, даже стала усиливаться и концентрироваться. Начало этому процессу было положено Андреем Боголюбским, перенёсшим в 1157 г. столицу земли из Суздаля, где были достаточно сильны позиции влиятельного в этих северо-восточных пределах Киевской Руси ростовского боярства, во Владимир – крупнейший в то время центр ремесла и мелкой торговли. Именно чёрный люд поддержал Андрея в его противостоянии с боярст-

вом. И хотя сам князь погиб в 1174 г. в результате подготовленного ростовским боярством заговора, начатое им дело укрепления престола и обустройства нового политического центра русских земель было уже необратимым. Весьма характерно, что именно Владимиро-Суздальская земля, где княжеская власть пострадала от боярства значительно меньше, нежели в других краях Домонгольской Руси, стала впоследствии плацдармом нового мобилизационного рывка – собирания раздробленных и разобщённых княжеств в новое централизованное государство.

Вотчинной элите князя Северо-Восточной Руси противопоставляли новое служилое сословие. Его верхушка «прикармливалась» выгодными административно-судебными должностями, обеспечивавшими стабильный и высокий доход через право взимания тех или иных сборов. Вместе с остальной массой служилых людей, в прошлом – «младших» дружинников, эта верхушка составила княжеский двор, явившийся первым в нашей истории опытом целенаправленного выстраивания носителем власти собственного домена.

В обстановке «разогретой» мобилизации носитель власти не нуждается в домене, функции которого, по сути, выполняет всё государство. Однако при «остывании» или же, напротив, «разогревании» мобилизации ему требуется плацдарм для противостояния экспансионистским устремлениям элиты. Роль такого плацдарма и исполняет домен. Средневековый домен (как, впрочем, и элита, которой он противостоял) имел преимущественно сословно-служебную природу. (Утвердившееся в исторической науке

представление о домене как о земельном владении суверена не исчерпывает всей той смысловой нагрузки, которую несёт на себе данное понятие. Земельное владение – не суть домена, а всего лишь необходимое условие его существования.)

Внешне двор напоминал прежнюю дружину, а его военно-силовые функции очень часто преобладали над сугубо административными. Однако между раннесредневековой дружиной и княжеским двором эпохи раздробленности существует принципиальная разница. На заре древнерусской государственности дружинники и их вождь – «верные друзья». Теперь же служилые люди княжеского двора – «верные слуги» своему господину, лично свободные, однако, в своём общественном статусе целиком и полностью от него зависимые. Нетрудно разглядеть в таких «верных слугах» будущих дворян.

«Слово Даниила Заточника» содержит принципиальные характеристики этоса подобных протодворян. Они были готовы верой и правдой служить своему господину, рассчитывая взамен снискать его «милость», т. е. заботу и попечение об элементарных жизненных потребностях, а также обрести защиту от угроз «внешнего» мира. Беспрекословно принимая подобный патронатно-клиентарный стиль взаимоотношений с владыкой, его «верные слуги», тем не менее, грезили о большей причастности к княжеской власти. Их идеалом была оставшаяся в далёком прошлом «дружба» между вождём и его дружиной. Служилые люди видели конкретное выражение такой «дружбы» в более щедром «кормлении». Обращаясь к такому «патрону», Даниил Заточник замечал:

«Как невод не удерживает воду, а одних лишь рыб, так и ты, князь, не удерживай злата и серебра, а раздавай людям».

Налицо явная переключка (вплоть до прямых совпадений) с историей о ложках для сотрапезников Владимира Крестителя. Прибегая к ветхозаветному сюжету о хвалебном превозношении царём Иезекиилем своего богатства перед посланцами вавилонского владыки, Даниил вкладывает в уста последних слова, практически совпадающие с высказыванием Владимира:

«Наш царь богаче тебя не множеством злата, а множеством воинов, ибо воины злато добудут, а воинов златом не добыть».

Иными словами, княжеский двор, заинтересованный в более щедром «прикармливании», вынуждал владыку не замыкаться на обустройстве своего удела, а искать новые внешние источники обогащения. Получалось, что служилые люди не только сами были объективно заинтересованы в мобилизации, но и фактически не оставляли иного выбора своему господину. Необходимость мобилизации проистекала и из необходимости более эффективных способов противостояния боярству. И на этом поприще установки князя и его двора полностью совпадали. Служилые люди рассчитывали потеснить боярство в «думном» окружении князя. На такую уже давно назревшую ротацию лиц, причастных к принятию управленческих решений, недвусмысленно намекал Даниил Заточник:

«С мудрым советником совещаюсь, князь высокий престол займёт, а с плохим советником совещаюсь – меньшего лишён будет».

Начавшееся было трудами Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо укрепление власти и, следовательно, самой государственности Северо-Восточной Руси было на многие десятилетия прервано монгольским нашествием. Ослабленные уже почти вековой (с наступления раздробленности во второй трети XII в.) политической стагнацией русские земли оказались довольно лёгкой добычей для восточных захватчиков. Усугублённый монгольскими погромами и установлением ига кризис государственности принял буквально обвальный характер, угрожая уже непосредственно самой историко-культурной идентичности нашего народа.

Закономерности функционирования пространства власти проявились уже в начальную эпоху государственности. Безусловно, в ту пору они ещё находились в процессе становления и не обрели свойственной им впоследствии чёткости. Однако протекавшие в Домонгольской Руси политические процессы довольно точно описываются в системе координат, устанавливающей зависимость между режимом мобилизации, полнотой суверенитета, управляемостью элиты, устойчивостью домена и, наконец, эффективностью власти.

II. Сотворение Третьего Рима: Московское вселенское православное царство и престол его владык

Новое «царство» для Руси

Из предельного обострения системного кризиса, вызванного длительным пребыванием в стагнации, проистекала неизбежность как нового мобилизационного рывка, призванного спасти Русскую Землю, так и очередной концентрации потенциала носителей власти, которые должны были осуществить данный проект.

Эта задача отчасти облегчалась тем, что значительная доля заинтересованного в сохранении стагнации боярства оказалась уничтоженной в ходе установления монгольского ига. Великокняжеская власть в Северо-Восточной Руси (где и до монгольского нашествия позиции боярства были заметно слабее, чем в остальных русских землях) получила уникальную возможность стать безальтернативным субъектом государственного строительства.

Да и само по себе ордынское владычество парадоксальным образом работало на данную стратегическую установку. Ведь нашествие монголов пришлось как раз на то время, когда после разгрома

крестоносцами в 1204 г. Константинополя распалась Византийская империя. Эта новая геополитическая конъюнктура произвела на Руси тяжёлое, буквально апокалиптическое впечатление «погибели царства». Никейская империя, ставшая преемником Византийской, не воспринималась русскими как настоящее «царство», ибо Царьград – символ всей православной ойкумены – находился вне её пределов, оказавшись в руках еретиков-латинян.

Целенаправленно выстраивая себя именно как своеобразную «Северную Византию», Русь, тем не менее, пока ещё не была достаточно готовой для самостоятельного существования. Ей по-прежнему требовалось следовать в фарватере вселенского «царства», ассоциировавшегося с образом града святого Константина. Такое «царство» являлось важнейшим смысловым и ценностным ориентиром, а также гарантом веры. В обстановке раздробленности «царство» стало и зримым воплощением, казалось, уже навсегда утраченного, но столь потребного для нашего тогдашнего мироощущения иерархического соподчинения земель и их правителей.

Можно себе представить то страшное безысходное чувство, которое охватило русский народ, узнавший о латинской оккупации Царьграда и распаде великой империи. Эти события стали серьёзным препятствием и для вызревавшей в недрах Северо-Восточной Руси новой мобилизации. На фоне византийской катастрофы мобилизация, неизбежно предполагавшая новое соби́рание земель в политически цельный субъект, казалась изначально обречённой на неудачу.

Монгольское нашествие и установление системы ига произошло как раз в обстановке «исчезновения царства». И Орда в определённом смысле заменила собой это «царство» в сознании русских людей. Языческая и примитивная кочевническая культура не представляла, в отличие от католического Запада, угрозы для русской православной самобытности. Новое ордынское «царство» восстанавливало утраченную было иерархию. А погромы и закабаление Руси вполне выглядели как Божья кара за грехи и, в первую очередь, за гордыню «запустивших» раздробленность удельных правителей, предавших общенациональные интересы в угоду собственным.

Иго оказалось удивительно амбивалентным событием, с одной стороны, на два с лишним столетия ликвидировавшим национальный суверенитет, а с другой – объективно способствовавшим новой мобилизации. Орда провоцировала мобилизацию даже гораздо эффективнее, нежели Византия. В этом смысле представляется чрезвычайно значимым тот факт, что после освобождения Константинополя в 1261 г. Михаилом Палеологом и восстановления Византийской империи не произошло обратного замещения Орды Царьградом в качестве «царства». Сами византийские властители в немалой степени содействовали встраиванию монгольской империи в европейский геополитический ландшафт, закрепив тем самым зависимость Руси от Орды.

Ханские ярлыки на великое княжение Владимировское стали ещё одним фактором, разрывающим удельные путы, препятствовавшие интеграции единого политического пространства Северо-Восточной Ру-

си. Регулярная ротация держателей таких ярлыков вкупе с кардинальным отличием владельческих статусов их отчин и великого княжения способствовали выработке специфического отношения к Владимирскому столу. Великое княжение начинало всё явственнее восприниматься претендовавшими на него владыками как нечто качественно иное, нежели удел.

В первые десятилетия монгольского ига подобное изживание «отчинного» отношения к складывавшемуся (пускай и в татарских интересах) объединению северо-восточных земель имело принципиальное значение. Удельный «мир», несмотря на непрекращавшуюся борьбу за перекройку его границ, тяготел к определённой завершённости и цельности отчинных владений и поэтому формировал у князей довольно ограниченные властные мотивации, которых было явно недостаточно для новой мобилизации. На преодоление удельной «узости» мышления требовалось время и мощное внешнее воспитующее воздействие, роль которого как раз и сыграли ханские ярлыки. И только после прохождения такой «школы», уже в XIV в., «арифметическое» сложение властных потенциалов отчины (в данном случае Московии) и великого княжения стало работать не только на пользу разворачивавшейся мобилизации, но и «на сброс» самих иноземных «воспитателей» и «учителей».

Носители власти на пути к обретению максимально возможного суверенитета

Тогда же, а именно при великом княжении Ивана Калиты, сложился и принципиально новый стиль политического господства. Характерной особенностью

этого стиля явился предельно жёсткий прагматизм, увязывавший воедино интересы носителя власти и приоритеты государственного строительства. Этот стиль позволил, благодаря виртуозно гибкой и адекватной задачам текущего момента политике, наиболее ярко проявившейся в разумном использовании дарованного Калите монгольским ханом Узбеком права сбора дани с русских земель, сосредоточить в руках великого князя значительный необходимый для мобилизации материальный ресурс.

Служилый люд, переселявшийся в северо-восточные земли из других княжеств и, прежде всего, из Южной Руси, стал главной причиной заметного усиления Москвы в конце XIII – начале XIV вв. при её первом удельном владыке Данииле. Разрастание его двора требовало более активной внешней политики ради обеспечения столь значительного количества служилых людей. Домен подталкивал носителя власти к мобилизации. Приток в Москву подобных «иммигрантов» не прекращался и в дальнейшем, а его пики совпадали с очередными периодами усиления Москвы, в частности, при сыновьях Даниила Юрии и Иване, а также при его правнуке – Дмитрии Донском.

Новое боярство, сложившееся уже в эпоху татарского ига, поначалу также выступало как надёжная опора великокняжеской власти. Исполнявший при малолетнем князе Дмитрии Ивановиче регентские функции митрополит Алексей был одновременно лидером московского боярства. Именно его заслугой явилось сохранение великокняжеского ярлыка за московским князем. Да и спустя несколько десятилетий

знать снова поддержала великого князя – на этот раз уже внука Дмитрия Донского, Василия II. Тогда вошедший в Москву Дмитрий Шемяка, оспаривавший у Василия II великое княжение, был вынужден ни с чем покинуть город, не получив поддержки от боярства.

Начавшийся примерно на рубеже XIII–XIV вв. новый мобилизационный рывок продолжался (правда, на разных скоростях) более двух с половиной столетий. Его первым зримым результатом стало признание в конце XIV в. как всем княжеским кланом Северо-Восточной Руси, так и Ордой Владимирского стола фактической отчиной московских владык. За полтора века великокняжеский и отчинный властные статусы претерпели существенное изменение их взаимной соотносённости.

Поначалу держание великокняжеского ярлыка принципиальным образом отличалось от удельного владения. Подобная ситуация была выгодна татарам – не создавалось предпосылок для неуправляемого усиления кого бы то ни было из отчинников. Вместе с тем уже на заре будущего антиордынского противостояния изживались удельные мировоззренческие установки претендентов на ярлык.

В конце XIII – начале XIV вв., т. е. на начальном этапе мобилизации, отчинный властный потенциал князей, сумевших преодолеть удельную мотивационную заскорузлость, стал существенным подспорьем для пребывания на Владимирском столе. Значение таких уделов сводилось теперь исключительно к обеспечению служилых доменов, которые, в свою очередь, вынуждали их владык поддерживать над-

лежащий «градус» мобилизации. Отчина заработала на великое княжение, что наглядно проявилось на примере Московского удела с самого начала его существования.

Наконец, при Дмитрие Донском мобилизация достигла такого уровня, что само великое княжение превратилось в московскую отчину. Однако это была уже совершенно другая отчина, предназначенная не для обустройства удельного жизненного «микрокосмоса», а для сотворения в недалёком будущем великой державы, подлинной «Северной Византии», пространство власти которой соответствовало бы традициям цареградской империи в наиболее яркие и безвозвратно ушедшие эпохи её существования.

Следующей важной вехой мобилизации явилось завершение к концу XV в. собирания русских земель в новое централизованное Московское государство. Уже Василий II стал прижизненно титуловаться «царём». Поводом к употреблению такого величания послужила Флорентийская уния, означавшая фактическую капитуляцию Византии перед латинским Западом. В данной ситуации московский владыка счёл не только возможным, но и необходимым объявить себя «кесарем», т. е. единственным в мире венценосным предстателем пред Богом за всех православных христиан. А после гибели Византии в 1453 г. подобный шаг становился уже просто неизбежным. В отличие от первой половины XIII в., когда «исчезновение» Византии заставило раздробленную Русь, всё ещё нуждавшуюся во внешнем организующем иерархическом начале, увидеть новое «царство» в монгольской империи, в середине XV в. Московская

держава сама взяла на себя подобные функции в отношении всего остального православного мира.

Перерождение великого княжения в Московское царство, а его владыки – в самодержца завершилось при Иване III. Носитель власти обрёл принципиально новое, прежде несвойственное ему значение – легитимного наследника власти константинопольских государей. А представление о Москве как о Третьем Риме оправдывало исключительность царя уже не только в пространстве, но и во времени – вплоть до эсхатологического финала человеческой истории.

Эта сакральная составляющая сыграла определяющую роль в последующей судьбе самодержавия. Оно теперь оказывалось попросту обречённым на пребывание в предельно концентрированном состоянии. Суверенитет престола распространился фактически на всю православную ойкумену. В то же время самодержец – в силу своего особого трансцендентного свойства быть посредником между Владыкой Небесным и собственными подданными – остался как бы вне конкретной земной государственности.

Такое положение царя резко ограничивало возможности элиты укреплять ресурс собственного влияния за счёт его суверенитета, по крайней мере, в пределах данной мировоззренческой и политической культуры. Чтобы стать субъектом политического процесса и тем самым нарушить властный монополизм престола, требовались уже иные технологии.

Самодержавный домен в новой конфигурации пространства власти

Боярство к началу XVI в. представляло собой весьма сложную и неоднородную силу. Наряду с новыми родами в её состав входили и так называемые «обояренные» князья. Появились в Москве и «пришлые» фамилии, оказавшиеся среди подданных московского царя в результате территориального роста государства. В ту пору, когда боярство ещё отстаивало интересы великокняжеской власти и не претендовало на какую-либо особую роль в политическом процессе, оно вновь, как и на заре древнерусской государственности, обретало из рук великих князей вотчины. Влияние боярства существенно усиливалось и необдуманно пожалованиями престолом иммунитета, т. е. фактического полновластия в пределах собственных владений.

Корпоративная мощь боярства во многом предопределялась и фактом существования Боярской думы. Прерогативы этого органа являлись весьма аморфными и расплывчатыми, что, кстати, и было чрезвычайно на руку знати. Это позволяло ей усиленно эксплуатировать в собственных интересах древнее представление о необходимости содействовать власти советом. Постепенно идея о такой *необходимости* трансформировалась в мысль об её *обязательности*. В итоге известная формула «государь указал, и бояре приговорили» стала неизбежным атрибутом подавляющего большинства исходивших от престола законодательных актов.

Экспансия боярства в пространстве власти принимала вполне очевидные институциональные очертания. Боярская дума реально контролировала всю кадровую политику. Государь самочинно попросту не мог производить назначения. Опять-таки согласно давней традиции, считалось, что лишь наиболее родовитое боярство, собравшееся в Думе, способно выступить гарантом соблюдения принципа местничества, т. е. производства в те или иные государственные должности в строгом соответствии либо со знатностью рода, к которому принадлежал кандидат, либо с давностью службы этого рода московскому государю.

Обволакивание престола Думой значительно сковывало самодержца и, соответственно, являлось существенным препятствием на пути дальнейшего укрепления государственности. Ситуация ещё более осложнялась тем, что Дума никогда не превращалась ни в открытую фронду царю, ни в площадку междоусобной борьбы различных боярских партий. В обоих случаях у престола был бы весомый повод решительно стряхнуть с себя думские путы. Вся сложность и деликатность ситуации заключалась как раз в том, что государю приходилось противостоять неоднозначному и устойчивому феномену – укоренённому в мировоззрении различных слоёв населения представлению о «добром» правлении. Стиль такого правления непременно требовал от самодержца внимать своему окружению.

К концу XV в. престол, ощущая нараставшую угрозу собственному суверенитету со стороны укреплявшегося боярства, решил наконец-таки взяться за

оформление своего домена – пёстрой и разношёрстной массы служилого люда – в новое дворянское сословие. Взаимоотношения между носителями власти и доменом оставались по-прежнему сугубо прагматическими, отталкивавшимися от служебных обязанностей дворян. Отводимые им небольшие земельные наделы (поместья) являлись жалованием за службу. А ненаследственный, в отличие от вотчин, характер таких владений закреплял довольно жёсткую зависимость этого нового сословия от престола.

Другим «отделом» домена явилась создаваемая параллельно с дворянством приказная бюрократия. Появление самих приказов было вызвано потребностями растущего и усложняющегося государственного механизма, когда управленческая практика стала неизбежно утрачивать характер личных поручений и, следовательно, стремилась обрести определённые институциональные очертания.

Первые приказы возникали в непосредственной «близости» от престола и покрывали различные участки гигантской дворцовой инфраструктуры. Другой их блок имел отношение к дворянскому сословию. Царская власть создавала приказы, прежде всего, в тех сферах, которые считала для себя наиболее значимыми. Именно здесь управленческая практика впервые выводилась за пределы традиционного сословного спектра и становилась уделом профессиональной бюрократии в лице дьяков и подьячих.

Домен не только собственноручно выстраивал государственный аппарат, но и фактически становился его «плотью», «отжимая» Думу и иные боярские корпоративные институты от руководства страной.

Вырисовывалась принципиально новая конфигурация пространства власти. Домен «дозрел» до того, чтобы перестать исполнять роль только лишь опоры носителя власти и «переродиться» в элиту, управляющую от имени престола. Однако для такого «перерождения» требовалось усиление мобилизации, на волне которой носитель власти смог бы осуществить уже давно назревшую ротацию элит.

Мобилизация Ивана Грозного

Решительная борьба царской власти с боярством развернулась при Иване Грозном. Политическая ситуация в стране ощутимо содействовала радикальному настрою молодого государя. Если прежде самодержцы не решались открыто выступить против боярства во многом из-за упомянутого народного представления о «добром» царе, руководящем страной в согласии с Думой, то теперь, после обескровившего страну боярского правления, продолжавшегося со смерти Василия III в 1533 г. и фактически до венчания на царство самого Ивана IV в 1547 г., подобные взгляды были существенно поколеблены. Очевидна антибоярская направленность и московского восстания 1547 г. служилых дворян и тяглового люда.

В такой атмосфере и был созван в 1549 г. первый Земский собор. Вопреки прежней традиции внимания боярским советам, царь теперь демонстративно слушал глас всей Русской Земли. Хотя знать и принимала участие в работе Собора, её представительство уравнивалось присутствием двух других

сил – духовенства и служилого дворянства. Иван IV понимал, что идти на полный разрыв со старой элитой ещё преждевременно: новые сословные и структурные опоры престола не были пока в достаточной степени выстроены.

Поэтому, обличая бесчинства недавнего боярского правления, государь, тем не менее, призвал ко всеобщему примирению и совместному радению на благо Отечества. Однако и дворянам был дан знак особого к ним царского благоволения: бояре-наместники лишались права вершить над ними суд, отныне это становилось исключительной прерогативой государства. На завершающем этапе централизации эти наместники заменили собой прежних удельных князей, унаследовав в полном объёме властные полномочия последних. Но, в отличие от удельных князей, наместники получали земли в кормление и безжалостно обирали подчинённое им население. При этом, как правило, у каждого наместника была в столице своя «группа прикрытия» из представителей той или иной боярской группировки.

Было очевидно, что молодой царь объявил бескомпромиссную войну этой разъедающей государству «стагнационной вертикали». Однако аккуратность и взвешенность его действий фактически лишали боярскую олигархию какой-либо возможности воспрепятствовать проводимым им преобразованиям. Так, например, в изданном в 1550 г. Судебнике чётко говорилось, что любые новые законы должны приниматься с «государева доклада и всех бояр приговору». Безусловно, подобная формула укрепляла у знати ощущение незыблемости её позиций. Но на

практике в течение 1550-х гг. (и тем более впоследствии) описанная данной формулой законодательная процедура фактически не использовалась.

Тогда же, на протяжении 1550-х гг., Иван IV предпринял ещё целый ряд мер, существенно ослабивших влияние боярства. Ограничивалось применение принципа местничества – царским указом на время военных действий вводилось «безместие». В непосредственной близости от столицы (на случай каких-либо чрезвычайных обстоятельств) была расположена «избранная тысяча» – своеобразная «дворянская гвардия» государя. И одновременно началось создание стрелецкого войска – предтечи регулярной армии. Серьёзными ударами по олигархии явились ликвидация кормлений и замена местничьего управления земским.

Непосредственным результатом концентрации власти и укрепления государственности стала успешная внешняя политика Московского царства. Победы над Казанским и Астраханским ханствами привели к овладению Волгой по всему её течению. На повестку дня уже ставился вопрос о продвижении в Сибирь. Русь заполняла естественное для себя геополитическое пространство.

Казалось, что, преодолев негативные последствия боярского правления, царь «оживлял» мобилизацию. Уже в обозримом будущем на её волне должна была произойти окончательная замена старой боярской элиты новой – дворянской. В результате престол вновь оказался бы наиболее мощным субъектом политического процесса.

Однако несвоевременно начатая Ливонская война имела роковые последствия для мобилиционного

проекта Ивана IV. Несмотря на все преобразования 1550-х гг., позиции боярства оставались ещё достаточно прочными. Оно не было заинтересовано в выходе на Балтику. Его гораздо больше беспокоила участь собственных вотчин в плодородных южных землях, беспрестанно подвергавшихся набегам Крымского ханства. Даже очевидные успехи в первые месяцы войны (занятие Нарвы и Дерпта, наступление на Ревель и Ригу, выход к берегам Балтики, границам Восточной Пруссии и Литвы) не способствовали пробуждению у знати хотя бы элементарных государственных мотиваций.

Царь оказался заложником ситуации. В случае продолжения войны на Балтике его вполне могло ожидать учинённое боярством новое внутреннее «нестроение». Опасаясь подобной перспективы, Иван IV заключил в Прибалтике перемирие (совершенно не оправданное при победоносном продвижении русского войска) и предпринял неудачный поход против Крымского ханства. Ситуация в Прибалтике тем временем осложнилась – России здесь противостояла уже целая коалиция европейских государств. Москва стала терпеть одно поражение за другим.

В этой сложной ситуации и возникла опричнина. Получилось так, что наиболее ответственный этап борьбы с боярством разворачивался царём в спешке, во многом под воздействием чувства мести тем из представителей знати, которые вынудили Ивана Грозного свернуть успешное наступление в Прибалтике и пойти на Крымское ханство. Не лучшим для подобного стратегического мероприятия был и внешнеполитический фон – поражения в Ливонской войне

неизбежно сказывались на моральном состоянии государя и формируемой им новой элиты.

Даже в столь тяжёлой обстановке опричный террор, по крайней мере, на начальном этапе, был направлен не против всего боярского сословия, а носил адресный характер. Убедительное тому подтверждение – состав опричного войска, включавшего в себя в том числе и бояр. Однако недостаточная проработанность и подготовленность этой масштабной акции, а также явная неразборчивость царя при комплектовании им своего ближайшего окружения привели к перерождению адресного террора в массовый. В результате опричнина, призванная довершить начатую в 1550-е гг. смену элит, не достигла поставленной цели.

Краху опричного проекта способствовали также и определённые личностные качества Ивана Грозного. Принятые в Александровской слободе решения во многом являлись реакцией царя на очередной, выпавший на 60-е гг. XVI в. пик эсхатологических ожиданий. Государь, очень глубоко погружённый в христианское мирочувствование, возложил на опричнину ещё одну – эсхатологическую – задачу: покарать зло накануне Страшного Суда. По крайней мере, эсхатологические мотивы изобилуют в символике как Опричного дворца, выстроенного по образу описанного пророком Иезекииелем Града Божьего, так и в облачении самих опричников. Иными словами, владыка земной отважился принять на себя прерогативу Владыки Небесного (см. рисунок 6). А такие дерзновенные устремления во все века приводили тех, кто пытался им следовать, к неминуемому краху.

Вместо «оживления» мобилизации Иван Грозный сверг страну в глубокую стагнацию, приведшую в начале следующего столетия к Смуте (см. рисунок 7). После его смерти – как неизбежная ответная реакция на опричный террор – резко усилилась знать. Прерывание же династии Рюриковичей в 1598 г. на слабом и бесцветном Фёдоре Ивановиче и подавно поселило в боярстве уверенность в собственном всевластии.

Правда, эта уверенность оказалась обманчивой. Царствование Ивана Грозного стало поворотным моментом русской истории. До него возможность того, что элита «перехватит инициативу» в пространстве власти и создаст некое подобие аристократического представительства, ограничивающего монарха, оставалась (по крайней мере, в перспективе) не такой уж и мизерной. Однако погрязшее в междоусобных конфликтах боярство упустило такой шанс. Сословное представительство в виде Земского собора было создано самим престолом, и поэтому оно уже изначально имело чёткую промонархическую и одновременно антибоярскую ориентацию. Опричный террор нанёс знати такой урон, после которого она уже просто не имела сил «загнать» престол в европейский модернизационный сценарий сословно-представительной монархии. (Различные боярские режимы эпохи Смуты возникали именно как феномены чрезвычайные и потому неспособные на долгосрочное функционирование.)

Действия царя выглядят продуманными и последовательными. Ещё до введения опричнины он в послании Курбскому ясно изложил, как надлежит организовать пространство власти, чтобы избежать угрозу «сползания» в модернизацию:

«А о безбожных народах что и говорить! Там ведь у них цари своими царствами не владеют, а как им укажут их подданные, так и управляют. Русские же самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи!»

Иван Грозный не оставил после себя какой-либо альтернативы традиционной российской развилке между мобилизацией и гибелью (последнее, кстати, чуть было не произошло в Смуту). Несостоявшееся модернизационное сословное представительство уступило место служебной мобилизации. И хотя до неё предстояло ещё пережить катастрофу Смуты и последующую растянувшуюся на десятилетия невнятность власти, эта мобилизация была уже запрограммирована. Характерно, что один из главных идеологов петровской служебной мобилизации – Феофан Прокопович – высоко ценил Ивана Грозного, считая, что он

«прежнюю силу российскую, раздором умерщвлённую, союзом воскресил и оживил».

Возможно, есть особый провиденциальный смысл в том, что династия Рюриковичей прервалась именно после того, как Россия прошла в своём развитии опасный поворот, на котором могла «соскочить» в модернизацию. Как только подобный «соблазн» Нового времени оказался позади, историческая миссия Дома Рюриковичей, обеспечивавшего мобилизацию России от «колыбели» государства и до первого серьёзного испытания европейским Модерном, оказалась выполненной.

Эпоха Рюриковичей наглядно продемонстрировала непосредственную зависимость концентрации и эффективности власти от её функционирования в режиме мобилизации, действующем с разной интенсивностью. Особенно, если процесс протекает на значительном временном промежутке. Существует нижний предел, за которым мобилизация ослабевает настолько, что оказывается неспособной противостоять стагнационным тенденциям, и её приходится «запускать» заново. Именно так после боярского правления 30-х – 40-х гг. XVI в. был вынужден поступить Иван IV. При нарушении верхнего предела ситуация, напротив, вырывается из-под контроля и начинает разворачиваться по своей собственной логике, что и доказал опричный эксперимент Ивана Грозного.

III. От стагнации — к Смуте: трансформации пространства власти

«Незаметная» мобилизация Бориса Годунова

Борис Годунов не пожелал быть боярской марионеткой. Он встал на единственно возможный в той запутанной ситуации путь: тихо, аккуратно и грамотно выводить страну из состояния стагнации и готовить её к новому мобилизационному рывку. Он, конечно, осознавал ущербность своей царской легитимности и понимал, что почуявшее свободу боярство будет ревностно следить за каждым его шагом и всеми силами противиться любому усилению престола. Отсюда понятна и логика действий Годунова. Он стремился проводить ту политику, которая была бы одновременно и объективно востребованной, и вместе с тем не давала бы повода подозревать его в намерении упрочить самодержавие.

Борису удалось выполнить эту задачу. Ещё при Фёдоре Ивановиче он провёл ряд законов, упрочивших крепостную зависимость крестьян и холопов. В обстановке сначала опричного, а затем боярского беспредела данный шаг был единственной возможностью сберечь человеческие ресурсы от их полного поглощения «чёрным рынком» рабочей силы. Такую же цель — только в отношении городского тяглого насе-

ления – преследовало предпринятое им «посадское строение»: учёт посадского населения с целью возвращения людей, оказавшихся в частновладельческих городских дворах и слободах.

Ещё до воцарения Борис обрёл уникальный опыт в сфере макросоциальной политики. Оказавшись на престоле, он использовал этот опыт, организовав во время голода в Москве грандиозные общественные работы, спасшие жизнь многим тысячам людей. Осознавая тяжесть текущего момента, Годунов счёл возможным простить недоимки по налогам и подавкам. Ему удалось несколько облегчить положение служилых и посадских людей. Усилиями Годунова было увеличено стрелецкое войско и развёрнуто интенсивное крепостное и церковное строительство, причём в городах не только Европейской России, но и Сибири. Успешной была и проводимая им внешняя политика. При Фёдоре в результате непродолжительной войны со Швецией Борису удалось вернуть России земли, утраченные в результате Ливонской войны. Став царём, Годунов в 1600 г. добился необходимого для страны перемирия с Речью Посполитой.

Инобытие власти в ситуации Смуты

Но боярство раскусило замыслы Бориса и решило от него избавиться. Этому предшествовала основательная подготовка. Противники Годунова усиленно подогревали стойкое народное представление о том, что у власти находится тот, кто не имеет на это никакого права. Именно поэтому появление Лжедмит-

рия I мгновенно обезоружило Годунова. В глазах народа весь его государственный прагматизм ничего не стоил по сравнению с перспективой возрождения законной династии и обретения царя истинного. Боярская интрига сработала блестяще. Самозванец, по словам В. О. Ключевского,

«был только испечён в польской печке, а заквашен в Москве».

Именно боярство стало главной силой, запустившей Смуту. Оно, не задумываясь, принесло национальные интересы в жертву корпоративным. Ради сохранения режима стагнации и пресечения конструктивных и нацеленных на укрепление самодержавия действий Годунова боярство не остановилось и перед развязыванием гражданской войны. Знать понимала, что в ситуации порядка и целенаправленного государственного строительства ей попросту не удастся удержать свой статус. Хаос оставался единственной благоприятной для боярства средой обитания. Следовало только постоянно подогревать деструктивные тенденции.

Данная целевая установка явилась первым в нашей истории опытом отстаивания собственных интересов в режиме «управляемого кризиса». Весьма показательна с этой точки зрения судьба самого Лжедмитрия I. Он был нужен боярству лишь до тех пор, пока работал на дестабилизацию. Но стоило ему только начать действовать в интересах служилых и посадских людей, как он вскоре был убит.

Оптимальным политическим режимом представлялось боярству олигархическое правление наподо-

бие того, какое было в Речи Посполитой. Посаженный на царство после гибели Лжедмитрия I Василий Шуйский сполна воплотил в жизнь этот олигархический идеал. В своей крестоцеловальной записи он поклялся не лишать бояр вотчин и не судить их без участия Думы.

Впервые в русской истории элита обрела такое право корпоративной самозащиты, ещё и санкционированное непосредственно самим престолом. Последствия данного решения не замедлили проявиться. Боярский беспредел захлестнул страну. Стагнация зримо проявилась в феномене «тушинских перелётов». Бояре были кровно заинтересованы в консервации двоевластия – Кремля Шуйского и тушинского лагеря Лжедмитрия II. Многократно переходя от одного центра власти к другому и обратно, они получали пожалования от обоих правителей.

Гибельное двоевластие проникло и на места – часто бывало, что в одном уезде имелись представители как кремлёвской власти, так и тушинцев. Развернувшаяся на этом фоне интервенция польско-литовских и шведских войск поставила под угрозу само существование России. Апогеем Смуты стала политика правительства «семибоярщины», впустившего поляков в Москву и призвавшего на русский престол польского королевича Владислава.

При стагнации сохраняется целостность самого пространства власти, и оно продолжает существовать и функционировать как единый организм. Если же элите удаётся разорвать данное пространство, то такая ситуация неизбежно

ведёт к катастрофе. Расчленение пространства власти лишает его легитимности. В итоге, нелегитимное и расчленённое, оно перестаёт поддерживать государственность, которая обрушается и гибнет. Народ либо исчезает как культурно-исторический субъект, либо ценой колоссального напряжения сил и ресурсов заново обустроивает пространство власти. Смута в начале XVII в. развивалась именно по последнему сценарию.

IV. Романовская Россия на распутье: власть между мобилизацией и модернизацией

Возрождение власти из пламени Смуты

Страна была спасена русскими людьми, вставшими под знамёна ополчения Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Этот мобилизационный рывок явился уникальным: он осуществлялся в ситуации абсолютного безвластия исключительно силами самого народа. Ополчение не только изгнало интервентов, но и выступило гарантом возрождения государственности, подготовив созыв в 1613 г. Земского собора, обозначившего стратегическую установку: совместными усилиями преодолеть последствия Смуты и не помянуть никому зла. Возведение новой государственности нельзя было начинать с поиска и наказания виновных в недавних бедах. Взятый Собором курс на национальное примирение и предопределил избрание на царство Михаила Фёдоровича Романова: за молодым государем была непростая и многострадальная история его рода, в которой, как в капле воды, отражались все недавние перипетии страны.

Начало «бюрократического самодержавия»:
от обеспечения полноты царского суверенитета –
к поиску оптимальных технологий
его трансляции

Перед Михаилом стояла задача использовать победу 1612 г. для укрепления самодержавия. Здесь следовало действовать предельно осторожно. Ещё свежи были воспоминания об опричном терроре, и консолидационный образ нового царствования мог в одночасье рухнуть.

Михаил и его отец, патриарх Филарет, сумели выработать наиболее адекватный данной ситуации сценарий выстраивания самодержавия. Этот сценарий сводился к *институциональной* концентрации власти. Иными словами, предполагалось упрочить царское единоначалие путём трансформации всей инфраструктуры государственных учреждений и аппаратных механизмов.

Ещё при Иване III власть московского царя достигла максимально возможных для земного владыки пределов. Однако до сих пор не была выработана эффективная технология *трансляции* этой власти – сказывались как сопротивление боярства, так и отсутствие у престола соответствующего опыта. Новая царская династия начала восполнять эту лауну, причём поиск приёмов, способных приложить к повседневной управленческой практике властный потенциал Помазанника Божьего, продолжался на протяжении всего трёхсотлетнего господства Дома Романовых. Сообразно с этим новым поворотом в обустройстве пространства власти стала меняться и природа эли-

ты, главной характеристикой которой оказывалась уже не сословная принадлежность, а причастность к бюрократической корпорации.

«Бюрократическое самодержавие» в тисках «бюрократической стагнации»

Михаил начал с элементарного лавирования между Боярской думой и Земским собором. На его царствование выпало наибольшее количество Соборов. Подобная практика, безусловно, отчасти была закономерным следствием той роли, какую сыграл этот институт в деле возрождения государственности и утверждения новой династии. Однако в регулярных созывах Соборов просматривается и очевидное стремление Михаила нейтрализовать знать мнением всей Земли. Боярскому обволакиванию собственной власти он противопоставил своеобразное всесословное опутывание самой Думы. Статус самодержца в такой комбинации неизбежно повышался. Алексей Михайлович пошёл ещё дальше в деле аппаратного конструирования. При нём Дума перестала быть сугубо боярским органом – её состав пополнился значительным числом дворян и дьяков.

Власть лишь тогда эффективна и сконцентрирована, когда она устремляет за собой в мобилизационном рывке всё государство. Стагнация же вовсе необязательно наступает лишь после того, как рывок прекращается. Лавирование Михаила между Думой и Собором было удачной находкой только для начального этапа его царствования. А усилившемуся самодержавию требовались уже иные многоходовые

комбинации. Но их у престола не оказалось, и основатель новой династии продолжал лавировать на протяжении всего своего правления. Мобилизационный рывок 1612 г. быстро «остывал». Ещё стремительнее разворачивались обратные ему застойные процессы.

Коррозии подверглись даже те мобилизационные инновации, которые прежде обеспечивали эффективное функционирование власти. Дворянство, вынужденное кормиться с собственных небольших поместий, не оправдывало возложенных на него надежд. В двойственной природе этого сословия хозяйские интересы стали чаще преобладать над служебными. Отсюда – и явная неподготовленность дворянского ополчения к новым военным вызовам.

Наполнение Думы дворянами и дьяками обернулось фактическим сращиванием боярства с приказным чиновничеством. В результате эффективность реализации управленческих решений резко упала. Престол впервые начал ощущать именно бюрократическое затягивание, усиливавшееся по мере хаотического увеличения количества приказов. Царские попытки противостоять этому выглядели слабыми и неумелыми. Например, созданный в 1655 г. и подчинявшийся непосредственно монарху Приказ тайных дел должен был осуществлять надзор за всей гигантской административной машиной. Но появление этого приказа абсолютно ничего не изменило. Самодержавие всё глубже погружалось в состояние нового системного кризиса, который невозможно было преодолеть исключительно аппаратными мерами. Для этого требовался новый мобилизационный рывок.

Крутой петровский разворот на Запад тихо и незаметно, но в то же время планомерно и целенаправленно готовился уже при первых двух государях Дома Романовых. Михаил Фёдорович и Алексей Михайлович увлекали Россию на совершенно несвойственный и чуждый ей путь модернизационного развития. Для европейской модернизации рассредоточение власти – данность, проистекающая из либеральных основ гражданского общества. Отсюда причинно-следственная связь либерализма и модернизации очевидна и естественна. Вхождение же России на путь модернизации разворачивалось в противоположной последовательности. Стремясь сделать служебную мобилизацию более эффективной, власть занялась выстраиванием каналов трансляции своего абсолютного суверенитета. В результате процесс управления существенно бюрократизировался. Государственный аппарат становился монопольным передатчиком высочайшей воли и, следовательно, автоматически делался причастным к самому акту царствования. Рассредоточение власти, таким образом, началось, а при отсутствии гражданского общества этот процесс протекал лишь в единственном направлении – от самодержца к бюрократии. Последняя со временем неизбежно должна была взяться за обустройство и наиболее естественной для себя модернизационной среды с её системой либеральных ценностей и претензиями на гражданское общество.

V. Парадокс Петра Великого: мобилизационный рывок в модернизацию

Конструирование эффективного государства

Пётр Великий был первым русским государем, развернувшим мобилизационный проект не просто ради преодоления стагнации, но – главным образом – в целях построения *эффективного государства*. Он также предельно чётко понял, что задача эта не будет выполнена до тех пор, пока остаётся неразрешённой девальвирующая самодержавие на протяжении вот уже двух веков проблема несоответствия фактически беспредельного царского суверенитета крайне примитивным способам его употребления. На преодоление данного несоответствия и были направлены его преобразования.

Пётр совершил прорыв сразу на двух направлениях. Он довольно легко расправился с боярством – просто ликвидировал его как сословие, уравнивая в 1714 г. указом о единонаследии поместье с вотчиной. И выстроил новую управленческую вертикаль: создал каналы трансляции царской власти, превратив их в составную часть и закономерное продолжение её самой. Местное управление приближалось к центру путём его профилирования по отраслям общегосу-

дарственного значения, а высшим и центральным структурам управления напрямую передавались элементы монаршего суверенитета. Такая система могла быть как коллегиальной, так и иерархической. Пётр умело сочетал оба начала.

Принцип коллегиальности, положенный в основу организации управленческих структур различных уровней, не только предохранял их от разрушительных амбиций отдельных лиц, но и воплощал собой идею самоуправления дворянской бюрократии, идею, символизировавшую представительство местных интересов. На местах же, напротив, ведомственное начало превалировало над территориальным. Возведение новой государственности началось «снизу», с создания в 1708 г. губерний, которые соединялись с центром через Сенат. Сам Сенат изначально был фактически «коллегиальным заместителем» монарха. Апогей практического воплощения коллегиальной модели выпал на период 1718–1722 гг., когда в Сенате состояли президенты коллегий. В эти годы Сенат как бы даже соправительствовал (разумеется, опосредованно, институционально) с царём. Данная ситуация напоминала прежнее «соправительство» Боярской думы.

В начале 20-х гг. XVIII в., когда Пётр достиг вершины своего могущества, коллегиальный принцип был несколько потеснён иерархическим. После принятия царём императорского титула Сенат лишился права издавать от своего имени общегосударственные законы. Тогда же Пётр подчинил Сенат особому чиновнику – генерал-прокурору. Перед отправкой в персидский поход царь представил Сенату первого генерал-прокурора – П. И. Ягужинского – словами:

«Вот моё око, коим я буду всё видеть. Он знает мои намерения и желания; что он заблагорассудит, то вы и делайте».

Генерал-прокурор контролировал и деятельность коллегий. Вся управленческая вертикаль была поставлена под двойной контроль – фискальный и прокурорский. Да и сама «Табель о рангах» явилась наглядным воплощением иерархического принципа комплектования бюрократии.

Вместе с тем Сенат продолжал воплощать собой своеобразный коллегиальный противовес иерархической вертикали. А вызванная введением подушной подати вторая административная реформа 1719–1720 гг. создала выборное дворянское самоуправление на уровне дистрикта и во многом дублировавшие (преднамеренно) губернаторские функции провинциальные отделения некоторых коллегий. На местах суд отделялся от администрации путём учреждения нижних и надворных судов. А избираемые дворянами дистриктов земские комиссары – непосредственные сборщики подушной подати – подчинялись полковым командирам расквартированной после завершения Северной войны армии.

Столь тесное переплетение коллегиального и иерархического начал бюрократического управления прослеживалось на всём протяжении каналов трансляции самодержавной власти и должно было обеспечивать их устойчивость и гибкость. А своеобразным зеркальным отражением такого распространения царского суверенитета становилось служебное восхождение по «Табели о рангах». Петровское *эффективное государство* даже с эстетической точки зрения стре-

милось соответствовать модным тогда канонам регулярности и симметрии. Немецкий философ Лейбниц писал по этому поводу Петру I:

«Государство можно привести в цветущее состояние только посредством учреждения хороших коллегий, ибо как в часах одно колесо приводится в движение другим, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если всё устроено с точною соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни непременно будет показывать стране счастливые часы».

Эффективное государство как «бюрократическое самодержавие»

Совершенно очевидно, что это *эффективное государство* уже изначально было несовместимым с самодержавием, обречённым на «растворение» в административном аппарате империи. Государь превращался в главного чиновника, пределы компетенции которого отныне (пускай и теоретически) напрямую зависели от расклада сил внутри бюрократической корпорации. Формально царь находился вне «Табели о рангах», а реально, на практике становился её закономерным началом, своеобразным должностным лицом «нулевого» класса. А изданный в 1722 г. Устав о престолонаследии фактически отменял династический принцип передачи власти и, следовательно, делал выслугу от коллежского регистратора или фендрика до императора де-юре возможной!

Несмотря на очевидные заимствования из европейского и, прежде всего, шведского опыта государственного строительства, петровская система прин-

ципиально отличалась от современных ей западных абсолютистских моделей. На первый взгляд, его преобразования были выдержаны в духе камерализма – порождённой Новым временем культуры бюрократического делопроизводства со свойственными ей рутинизацией, систематичностью, унификацией и специализацией. От шведской камералистской модели Пётр практически целиком взял бюрократическую систему (делопроизводство, штаты, процедурную часть) и отраслевую специализацию.

Однако петровские коллеги существенно отличались от шведских, органично вписанных в модель абсолютизма, ограниченного отлаженной системой сословно-представительных органов, городского и сельского самоуправления, незыблемыми сословными привилегиями, а также исторически устоявшимися королевскими обязательствами перед подданными. Российский Сенат, оказавшийся на практике всего лишь новым громоздким передаточным звеном между престолом и центральными и местными структурами управления, также мало соответствовал своему западному прообразу. Новая структура власти по-прежнему основывалась на принципе поручения, а не ответственности.

Сглаживая эти очевидные несоответствия заимствуемого шведского государственного аппарата реалиям российской действительности, Пётр искренне полагал, что со временем камералистская бюрократическая технология «притрётся» к традиционному самодержавию и станет его надёжной опорой. Однако произошло обратное. Вживлённый в ткань самодержавия «ген» камерализма запустил разрушительный для престола процесс либерализации, раскручиваемый бюрократией в своих, сугубо корпоративных интересах.

Со впечатляющей одержимостью Пётр копировал западные управленческие модели, выворачивая их подчас наизнанку, дабы обеспечить бесперебойную работу созданной им системы власти. Европейский абсолютизм, по крайней мере, на идеологическом уровне, выражался в господстве государства над дистанцированными от него сословиями. Пётр же, напротив, огосударствлял сословия, стремясь к их фактическому растворению в административном аппарате. Разумеется, уровень бюрократического встраивания разных сословий не был одинаковым, однако, если самодержавный суверенитет нисходил теперь по чиновничьей вертикали, то дворянская бюрократия оказывалась непосредственным продолжением и развитием императорской власти. В отличие от Европы, где монарх обретал суверенитет от внешнего объединения сословно-корпоративных структур, петровский абсолютизм осуществлял обратное – наделял дворянство собственным суверенитетом (см. рисунок 8). Февраль 1917 г. стал в этом смысле закономерным итогом растянувшегося на два столетия «раскрепощения» этого сословия. «Раскрепощения», спровоцированного в начале XVIII в. непосредственно самим императором.

Конечно, тогда, на заре XVIII в., ещё ничто не предвещало самодержавию столь печальной участи. Огосударствление дворянства максимально приближало его к престолу и препятствовало уже чисто институциональному ограничению верховной власти: царь правил не через Сенат или иные новообразованные учреждения, но через конкретных лиц, полностью подчинённых и лично обязанных ему своим положением. Поэтому-то современники Петра и не ощущали реального понижения статуса самодержца.

Петровские преобразования – парадоксальный феномен. Они разворачивались и осуществлялись по всем правилам и канонам традиционного для России мобилизационного сценария, однако, в итоге страна оказалась «вытолкнутой» на модернизационный путь развития. Процессы, незаметно запущенные при Михаиле Фёдоровиче и Алексее Михайловиче, приняли при Петре I обвальный и необратимый характер. Продолжавшееся на протяжении XVII в. бюрократическое обволакивание престола происходило не только помимо, но и вопреки воле государей. Другое дело, что они оказались неспособными ему противодействовать. Пётр же собственноручно раздавал свой суверенитет. В результате самодержавие подверглось существенной девальвации – правда, пока что не политической, а знаковой, явившейся результатом секуляризации того трансцендентного образа власти, который она обрела при Иване III и затем на протяжении двух веков всячески укрепляла и оберегала. Однако трансцендентная власть оказалась неэффективной именно в качестве власти – конкретной, земной, повседневной. Это вопиющее несоответствие величественного образа самодержавия и его технологического несовершенства способствовало наращиванию застойных тенденций. Иван Грозный, тонко чувствовавший данное противоречие, пытался его преодолеть причудливым взаимным переплетением сакральных и чисто управленческих функций властителя. Эсхатологическая подоплёка опричнины – яркое тому подтверждение. Смута, явив-

шаяся во многом результатом экспериментов Ивана Грозного, заставила первых Романовых – Михаила и Алексея – предпочесть (пусть и невольно) эффективность власти её трансцендентному образу. Продолжая линию деда и отца, Пётр фактически лишь придал этому предпочтению вполне осознанный характер. Возможно, конечно, что поиск действенных управленческих технологий пошёл не в том направлении, и «вытолкнувшее» Россию на модернизационный путь развития «бюрократическое самодержавие» не было безальтернативным рецептом совершенствования механизма власти. По крайней мере, очевидно, что престол не задействовал и малой толики потенциала промонархических Земских соборов как серьёзного противовеса чиновничьему оупутыванию. А грёзы мыслителей последующих эпох о «народном самодержавии» как реальной альтернативе «бюрократическому самодержавию» не были такими уж и беспочвенными... Однако История не терпит сслагательного наклонения, и Россия стала приучаться к режиму модернизации.

VI. Носители власти и элита в послепетровском пространстве власти

Эксперименты эпохи дворцовых переворотов: от одворянивания бюрократии до институционального конструирования

Довольно скоро самодержавие оказалось заложником созданной им же самой системы. В эпоху дворцовых переворотов оно подверглось «осаде» со стороны взращённой Петром новой элиты, включившей в себя далеко не все «отделы» прежнего служебного домена и представлявшей довольно причудливый организм из фрагментов старой сановной олигархии, императорского двора и дворянской гвардии. Основная масса дворянства оказалась вне элиты. Гражданская служба была у дворян не в чести, и даже Петру в 1724 г. пришлось скрепя сердце разрешить приём на её низшие ступени лиц недворянского происхождения. А к середине XVIII в. количество потомственных дворян среди бюрократии составляло чуть больше 20%. Таким образом, первые этажи бюрократической лестницы заполнялись разночинцами – пёстрой и разнородной массой, не привязанной, в отличие от дворянства и крестьянства, к земле и,

следовательно, более конъюнктурной в вычислении наиболее перспективных сфер деятельности. Именно потому, что основная масса дворян оказалась не «заражённой» корпоративными бюрократическими интересами и, соответственно, не заинтересованной в перекройке пределов монаршей власти, и захлебнулась затея «верховников» ограничить «кондициями» Анну Иоанновну.

Самодержавие реагировало на «происки» новой элиты примерно в том же духе, что и веком ранее. Ликвидировав откровенно враждебный олигархический Верховный тайный совет, Анна Иоанновна пыталась установить контроль над высшими сановниками через собственный Кабинет, противопоставляемый Сенату как средоточию самого принципа бюрократического представительства. По этому же пути пошли и преемники Анны Иоанновны – Елизавета Петровна и Пётр III. Подобное выстраивание системы учрежденческих сдержек и противовесов очень напоминало лавирование между Боярской думой и Земским собором: принося отдельные тактические выигрыши, такая политика в стратегической перспективе лишь усиливала зависимость престола от бюрократии.

Политическое обустройство модернизационной среды: екатерининский либерализм

Осознав невозможность реализовать петровскую идею о создании дворянской бюрократии, Екатерина II пошла несколько дальше своих предшественников и решила противопоставить несокрушимой чиновничьей

пирамиде сословно-корпоративную альтернативу в виде выборной дворянской службы.

До издания вводившей эту службу в 1785 г. Жалованной грамоты дворянству оно более 20 лет, с момента выхода аналогичного документа при Петре III, пребывало в состоянии абсолютной свободы. В начальный период своего царствования государыня остро нуждалась в поддержке со стороны дворян, опасаясь оказаться подмятой всеильной бюрократией. Именно поэтому в ту пору она и не нарушала безмятежной жизни дворян в их поместьях.

Когда же её престол укрепился благодаря целой серии блестящих военных побед, подавлению пугачёвского мятежа и начавшейся реформе местного управления, Екатерина сочла возможным прервать дворянскую бездеятельность. Выборная дворянская служба идеальным образом вписывалась в структуры губернских и уездных учреждений. Более того, именно на уровне местного управления произошла смычка дворянской и бюрократической служб. Исполнительная власть на уездном уровне оказывалась в руках избравшегося уездным дворянским собранием капитана-исправника, который одновременно являлся и подотчётным губернатору чиновником.

Создавая выборную дворянскую службу как противовес бюрократии, Екатерина и не подозревала, какую мину замедленного действия она закладывает под самый фундамент самодержавия. Всё местное управление фактически оказывалось в руках сословия, которому было не только разрешено, но и предписано невиданное доселе самоуправление. В. О. Ключевский передаёт слова двух французских путешествен-

ников, побывавших в России в конце царствования Екатерины и наблюдавших функционирование дворянских учреждений. Путешественники определённо заявили, что

«рано или поздно эти собрания непременно приведут к великой революции».

Такая вольница неминуемо «заражала» и местные органы государственной власти. «Ген» камерализма продолжал тем временем усиливать либеральные веяния в среде высшей бюрократии. А Жалованная грамота городам приобщала к корпоративному самоуправлению разночинную массу мелкого чиновничества. Вся служебная вертикаль перерождалась в духе иноземной политической культуры.

Павловское «контрнаступление» на элиту и ревизия петровской модели эффективного государства

Наиболее одиозным несоответствием идеалам самодержавия выглядела, конечно, дворянская вольница. Поэтому именно с неё Павел I начал исправлять ошибки своих предшественников. Император пошёл даже наперекор петровской установке на создание дворянской бюрократии, ограничив поступление этого сословия на гражданскую службу. Причём данное ограничение появилось как раз тогда, когда молодые дворяне, желая избежать невероятных тягот павловской военной службы, потянулись – вопреки прежним представлениям о чести и достоинстве – к службе гражданской. Одновременно государь исключил

из подушного оклада всех чиновников, т. е. отныне право поступления на гражданскую службу обретало всё население страны, кроме крепостных крестьян.

Павел отважился и на более радикальное исправление петровского сценария. Растворению монаршего суверенитета в среде бюрократии он противопоставил идею собирания царской власти и её дистанцирования от элиты. «Учреждение об императорской фамилии» 1797 г. стало отчаянной попыткой вернуть престолу утраченную уже около века назад надсловность и надгосударственность.

Однако павловское изобретение привело к обратному: оно лишь ещё сильнее затягивало бюрократическую петлю вокруг самодержавия. Фактически создавалось «удельное» государство в государстве, ибо верховная власть обретала теперь (кстати, впервые в русской истории) зримые ведомственные очертания и «упаковывалась» в рамки учреждения фамилии и Департамента уделов. Тем самым она, по сути, превращалась в структурное подразделение административного аппарата, в котором реально заправляло уже непосредственно само чиновничество.

На протяжении XVIII в. знаковая девальвация верховной власти всё больше оборачивалась девальвацией политической. Ввергнув страну в модернизацию, престол оказался в совершенно незнакомой для себя ситуации. Модернизация в принципе исключает мобилизационные рывки как онтологически чуждые её природе. Поэтому обустроившаяся в России новая среда всё ощутимее препятствовала самодержавию обес-

печивать свой монополизм в пространстве власти привычным и – главное – единственно возможным для него образом – через разворачивание мобилизационных проектов. Элита же, не испытывая более на себе мобилизационных «встрясок», плотно окутывала престол и начинала претендовать на качественно новую роль в пространстве власти. Попытки царей и цариц укрепить собственный домен приводили к абсолютно противоположным результатам. Выборная дворянская служба вовсе не ослабляла бюрократию, а, напротив, оказавшись благоприятной средой для взращивания либеральных настроений, стимулировала приобщение чиновничества к иноземным культурным и политическим ценностям. Предпринятое Павлом I ограждение императорской фамилии лишь усиливало бюрократическое присутствие в пространстве власти. Режим модернизации насаждался престолом – самым главным в России властным субъектом. Имея в своём распоряжении такой энергетический ресурс, этот режим оказался способным сокрушать любые препятствия, встречавшиеся на его пути. Законы функционирования создаваемой им среды не просто подминали традиционные принципы жизнедеятельности, но и выворачивали их наизнанку. Самодержавие как чуждый режиму модернизации способ властвования рано или поздно должно было оказаться обременительным и никчёмным для данной среды. Однако подобная перспектива была ещё довольно отдалённой. А пока модернизационная среда лишь просто

«играла» с венценосцами, обращая против них их же собственные попытки упрочить своё положение. Любой шаг верховной власти приводил в итоге к совершенно непредсказуемым результатам, ударявшим, в конце концов, по ней самой. Павловские действия, направленные на разрыв этого порочного круга через новый мобилизационный рывок, были изначально обречены на провал. Мобилизационные проекты в модернизационных реалиях оказывались попросту невозможными. На протяжении всей последующей эпохи своего существования, вплоть до 1917 г., самодержавие, по сути, лишь отступало в пространстве власти под натиском модернизационной элиты.

VII. «Самодержавный псевдоконституционализм» Александра I

«Отсроченное» соправительство самодержавия и элиты

Павловское обособление института монархии делало неизбежным выстраивание новой чиновничьей вертикали. Ей стала созданная уже Александром I в 1802 г. министерская система. Сенат же утратил роль высшего органа государственного управления и оставался теперь лишь высшей судебной и надзирающей инстанцией.

Однако в силу сложившейся на протяжении минувшего века традиции конструирования взаимных сдержек и противовесов Александр не мог оставить даже замкнутую непосредственно на него самого министерскую систему без какой-нибудь «упаковки». Такой «упаковкой» или, точнее, «крышей» стали Негласный комитет и Непременный совет. Их одновременное (хотя и в течение весьма непродолжительного времени) сосуществование свидетельствовало о том, что молодой государь опытным путём пытался нащупать оптимальную законосовещательную конфигурацию. Для престола, «окружённого» добивающейся соправительства с ним бюрократией, подобные законосовещательные «качели» обеспечивали

свободу манёвра и отсрочивали принятие принципиальных решений на этот счёт.

Государь-модернизатор

Если Пётр Великий, увлекая страну в мобилизационный рывок, на самом деле – и совершенно неожиданно для себя самого – насильно «вытолкнул» её на модернизационный путь развития, то Александр стал первым из русских монархов, кто брался совершенно сознательно именно за модернизацию империи. Если Пётр начал возводить *эффективное государство* ради масштабных геополитических проектов, то Александр достраивал его во имя преодоления произвола и утверждения ценностей европейского Просвещения – результата многовековой модернизационной эволюции Запада.

Идеологическое обеспечение «высочайшей модернизации»

Мысля, чувствуя и действуя в модернизационной парадигме, молодой государь уверовал в возможность нейтрализации бюрократического давления путём его гласного обличения. Укрепление самодержавия было, по его мнению, невозможным без общественного мнения. Эти взгляды Александра были развиты М.М. Сперанским в записке «О силе общего мнения». Сперанский предлагал возвести в ранг государственной политики формирование общественного мнения, ибо оно –

«важнейший предмет размышлений законодателей и воздействия правительства».

Объектом такой политики должна была стать именно сама бюрократия, которой надлежало привить нужные самодержавию мировоззренческие установки и научить «хорошо себя вести», т. е. не зариться на не принадлежащие ей сферы пространства власти.

Однако, несмотря на приверженность Александра ценностям Просвещения, он всё-таки оставался русским царём, унаследовав многие характерные черты своих предшественников. Ему просто нравилась та обстановка всеобщего любования и восхищения, в которой он оказался по восшествии на престол. Его реформаторские мотивы во многом подогревались желанием поддержать восторженное и умилённое отношение подданных. А прагматик Сперанский усмотрел возможность извлечь из царского тщеславия ещё и практическую пользу: умело преподнесённый образ «ангела на троне» мог стать эффективной «смазкой» для самых разных «винтов» и «винтиков» гигантской бюрократической машины империи. И в этом смысле целенаправленное воздействие на общественное мнение действительно становилось делом государственной важности. П. А. Вяземский оставил весьма неллицеприятную, однако, довольно меткую характеристику Сперанскому:

«Он был то, что позднее стали называть идеологом и доктринёром, то есть человеком, который крепко держится нескольких предвзятых понятий и правил и хочет без разбору подчинять им действительность, а не их согласовать с нею и с условиями и требованиями её».

Сперанский и вправду был способен подогнать действительность практически под любую заказанную ему схему. Оказавшись ближайшим советником императора, он разработал проект уникального политического режима – своеобразного *самодержавного псевдоконституционализма*. При этом Сперанский максимально учёл как государево желание слыть реформатором, ничего не меняя всерьёз, так и интересы усиливающейся бюрократии, всё больше и больше претендующей на реальное соучастие во власти.

С этой точки зрения весьма примечательна составленная в 1803 г. «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России». В ней Сперанский прямо говорил, что проблема преобразования существующей власти заключается не в трансформации её в конституционную монархию, а в провозглашении «самодержавной конституции», не предполагающей разделения законодательной и исполнительной властей, и в укреплении «народного мнения», ограничивающего верховную власть, однако,

«не в существе её, но в форме её действия».

По этой «самодержавной конституции», законодательная и исполнительная власти, сливающиеся воедино в персоне императора, неразделимы. Сперанский подчёркивал:

«Они в существе своём суть два отделения внутреннего государева кабинета; но в мнении народном представляют места внешние и умеряют собою самодержавие».

Через целенаправленное формирование представления об определённом сходстве предлагаемой «са-

модержавной конституции» с идеалами конституционализма Сперанский намеревался и сохранить в незыблемости властные прерогативы самодержца, и создать у бюрократии видимость соучастия во власти.

Просветительская идея разделения властей в европейском её прочтении предполагала создание нескольких – независимых и равноправных – центров управления гражданским обществом. В России же, при отсутствии даже отдельных элементов гражданского общества, разделение властей означало нечто принципиально иное, отличное от классической схемы Монтескьё, а именно: *раз-деление как на-деление государственного аппарата от-делённым от монарха суверенитетом.*

Сперанский проговаривал идею разделения, но тут же доказывал её практическую несостоятельность (самодержец есть источник всех властей) и одновременный пропагандистский эффект (видимость разделения создаст впечатление ограничения самодержавия) для «мнения народного», т. е. для чиновничества. Сперанский писал о «самодержавной конституции» как о переходной форме от современного ему самодержавия к конституционной монархии, однако, процесс такого перехода мог быть сколь угодно долгим, и ожидание его итогов в подобной ситуации уже само по себе становилось бы феноменом, творящим общественное мнение.

Идея «самодержавной конституции» получила своё дальнейшее развитие в составленном им в 1809 г. «Введении к Уложению государственных законов». Впечатление разделения властей достигалось здесь искусной риторикой автора. Сперанский восклицал:

«Нет, кажется, сомнения, что предложение закона должно предоставить исключительно правительству».

К этому вынуждали такие специфические условия российской действительности, как размеры территории государства, пестрота населения, уровень просвещения. Отсюда он заключал:

«По сим причинам нет, кажется, сомнения предложение закона исключительно присвоить державной власти».

То есть право законодательной инициативы – это исключительно монаршая прерогатива, а правительство – отнюдь не самостоятельный субъект политического процесса, а всего лишь передатчик власти самодержца. Последнее лишнее раз подтверждалось замечанием о том, что

«вся исполнительная часть должна принадлежать власти державной».

Судебная же власть, по словам Сперанского, также в своём источнике является властью исполнительной, а значит

«принадлежит по существу своему власти державной».

Контроль же за соблюдением законов необходимо возложить на «законодательное сословие», в которое должны входить и министры.

Четырёхуровневая Дума выглядит в данном контексте структурой весьма загадочной и не вполне встроенной в общую схему проекта. С одной стороны, Сперанский называл её равной министерствам и

Сенату, а также довольно подробно излагал процедуру её формирования, начиная с волости и заканчивая непосредственно самой Государственной думой. С другой стороны, во «Введении к Уложению государственных законов» ничего не говорилось о главном – каким образом думское избирательное начало предполагалось совместить с самодержавной государственностью, пускай и наделённой некоей видимостью конституционализма. Ощущая эту недосказанность, Сперанский отмечал, что проблема встраивания Думы в ткань государственности будет оговорена отдельно. Однако этому не суждено было сбыться. Кроме беглого замечания в написанном тогда же «Кратком начертании государственного образования» о том, что Думе должны направляться министерские отчёты, Сперанский ничего больше не дополнил к модели своего парламента, который так и остался наименее разработанным фрагментом его проекта.

Зато Государственному совету в режиме *самодержавного псевдоконституционализма* отводилась исключительная роль. Совет должен был символизировать определённую отчуждённость законодательной, исполнительной и судебной властей от власти верховной. Однако отчуждённость номинальную, а не фактическую. Самодержавный суверенитет попросту распределялся Государственным советом – как своеобразной царской канцелярией – в ту или иную сферу управления, что, в свою очередь, позволяло переложить ответственность за принимаемые решения с императора на конкретных исполнителей его воли. Кстати, именно этот последний довод и

стал для Сперанского главным аргументом в пользу скорейшего создания Государственного совета: непопулярное решение об увеличении налогов будет выглядеть признанной Советом необходимостью, а не результатом одного лишь произвола. При этом

«власть державная сохранит к себе всю целость народной любви».

Выходит, что в 1810 г. был создан институт, забывшийся, прежде всего, о поддержании в общественном мнении образа «ангела на троне».

Бюрократическая элита как «виртуальный» соправитель

Правда, проекты Сперанского всё-таки выглядели уступкой самодержавия бюрократии: престол, пускай демонстративно, но отказывался от определённой, причём весьма существенной, части собственного суверенитета, допуская уже саму мысль о разделении властей. На фоне многовекового абсолютного царского господства такой шаг производил сильное впечатление. В этом смысле и учреждение министерств, и создание Государственного совета стали этапами единого процесса бюрократического обволакивания самодержавия. Не зря Н.М. Карамзин – убеждённый критик Сперанского – точно указал в «Записке о древней и новой России» на иллюзорность контроля за министерствами со стороны Государственного совета:

«Совет, говорят, будет уздою для министров. Император отдаёт ему рассматривать важнейшие их представ-

ления; но, между тем, они все будут править государством именем государя. Совет не вступает в обыкновенное течение дел, вопрошаемый единственно в случаях чрезвычайных, или в новых постановлениях, а сей обыкновенный порядок государственной деятельности составляет благо или зло нашего времени».

Однако тенденция ещё отнюдь не означает факта свершившегося, и самодержавие по-прежнему продолжало оставаться ключевым субъектом в политической жизни России. Более того, Александр I, несомненно, осознавал растущую угрозу своей властной монополии со стороны усиливавшегося административного аппарата. Очевидному бюрократизированию собственного суверенитета он пытался противопоставить придворное контролирование самого чиновничества: ведь именно в этом заключалась суть принятого в 1809 г. решения, в соответствии с которым государственная служба становилась непременным условием получения придворного чина.

«Самодержавный псевдоконституционализм» Александра утверждал «виртуальное» соправительство монарха и бюрократии. Данный режим был предельным компромиссом, на который ещё могла пойти царская власть, продолжая при этом оставаться самодержавной. Однако запущенная Петром I модернизация неизбежно приближала тот момент, когда это соправительство из «виртуального» станет реальным.

VIII. Самодержавное связывание взаимной ответственностью против бюрократического оболакивания

Технология власти Николая I

Наилучший способ обуздания стремящегося к самостоятельности – это вовлечение его в процесс совместного принятия решений и, следовательно, опутывание взаимной ответственностью за их результаты. Примерно так пытался удерживать контроль над бюрократией Николай I.

Идея ответственности стала вообще основополагающей для всего его царствования. Если старший брат Николая прослыл «ангелом на троне», то сам он всячески выставлял себя простым смертным, черпающим нечеловеческие силы и способности из глубоко им переживаемого чувства личной ответственности за исполнение священного монаршего долга. Уже 14 декабря 1825 г. он продемонстрировал верность высоким идеалам царского служения, не отступив перед смутьянами и не дав посрамить престол предков. Впоследствии Николай, движимый осознанием своего долга, неоднократно – буквально в духе державной манеры Петра Великого – собственным примером понуждал подданных вспомнить об их ответственности перед престолом и Отечеством. Знаковым воплощением взаимной ответственности монарха и его подданных явились столь любимые

Николаем военные парады, в которых бесконечные стройные ряды войск олицетворяли огромную империю, внимающую велениям своего государя. Да и сама смерть царя на фоне крымской катастрофы выглядела как итог его стремления быть ответственным за свою страну до конца.

Если Пётр наделял элиту собственным суверенитетом ради того, чтобы каналы трансляции его власти заработали эффективно, то Николай действовал иначе. Он сам нисходил по этим каналам. Стиль его правления – это не прекращавшаяся на протяжении всего царствования личная инспекция бюрократической вертикали сверху донизу, продолжавшееся изо дня в день высочайшее вникание в самые различные мелочи, тонкости и нюансы её функционирования. Император оказывался как бы незримым непосредственным начальником каждого чиновника. Начальником, строго взыскивающим со своего подчинённого, но в то же самое время разделяющего с ним ответственность за творимое ими обоими общее дело. Державный инспектор становился не только строгим судьёй, но и венценосным соратником любого государственного служащего. Бюрократия низшего и среднего уровней должна была усматривать в таком соработничестве и особую отеческую заботу государя. Здесь, например, можно вспомнить известное предание о том, как, встретив случайно на улицах Петербурга бедную похоронную процессию, провожавшую в последний путь простого чиновника, Николай пошёл за гробом, отдавая тем самым дань своему подданному.

А высшая бюрократия могла воспринимать это соработничество и как определённое соучастие в

реализации властных решений. Причём совершенно очевидна принципиальная разница между подобным соучастием и соправительством. (Последнее предполагает вовлечение в процесс не только осуществления, но и принятия таких решений.) Даже в ситуации, когда и то, и другое во многом остаётся лишь эффектно преподнесённой иллюзией, видимостью, впечатлением.

Элита как «лоббист» модернизации

Однако и эта технология не принесла ожидаемых результатов. Державный инспектор просто физически не мог стать надсмотрщиком за каждым чиновником. Ориентированная на контроль над бюрократией, Собственная канцелярия не оправдала возложенных на неё задач, но лишь ещё больше утяжелила и без того громоздкий административный аппарат.

Внедрённый Петром в ткань государственности «ген» камерализма оказался многократно усиленным целенаправленной политикой Николая по вестернизации бюрократии. Насаждаемое «сверху» культурное западничество со временем непременно должно было перерасти во враждебное престолу западничество политическое. И процесс этот, очевидно, уже шёл полным ходом. Яркое тому подтверждение – восклицание А.С. Пушкина в письме к П.Я. Чаадаеву о том, что

«правительство всё ещё единственный европеец в России».

Взгляды, ценностные ориентиры и морально-этические нормы чиновничества стремительно отдаля-

лись от царского идеала о долге и ответственности. Незадолго до кончины Николай I с горечью констатировал в своём дневнике:

«Вступая тридцать лет тому назад на престол, я страстно желал знать правду, но слушая в течение тридцати лет ежедневно лесть и ложь, я разучился отличать правду от лжи».

Данный факт стал для императора, отдавшего себя без остатка делу возвращения подданных-единомышленников, личной трагедией. Умиравший государь напутствовал своего наследника словами:

«Сдаю тебе мою команду, к сожалению, не в том порядке, как желал».

Николай как бы подсказывал Александру, что воспитание эффективной элиты и выработка действенных приёмов взаимодействия с ней должны стать для него первостепенной заботой. Однако бюрократия, не испытывавшая мобилизационных «встрясок» с эпохи Павла I и всё более осознававшая выгоду и удобство режима модернизации, отнюдь не желала вновь становиться послушным инструментом в руках царя и не оставляла намерения ещё больше потеснить его в пространстве власти. Побывавший в 1839 г. в России французский путешественник Астольф де Кюстин писал в своих воспоминаниях:

«По взглядам своим эти люди большею частью сторонники нововведений, тогда как по поступкам они самые жестокие деспоты в этом деспотическом государстве; выходцы из народных училищ, вступившие в

статскую службу, они правят империей вопреки императору... Эти новые люди...властвуют и над самую верховною властью, ибо во множестве случаев они навязывают императору свою волю; именно они подготавливают в России революцию сразу двумя путями – прямым, через свои воззрения, и косвенным, через ту ненависть и презрение, что возбуждают они в народе к аристократии... Что за сочетание двух зол – здесь командуют подчинённые, здесь под самодержавною тиранией кроется тирания республиканская!.. Из своих канцелярий эти незаметные тираны, эти деспотичные пигмеи безнаказанно угнетают страну, даже императора, стесняя его в действиях; тот хоть и понимает, что не столь всемогущ, как о нём говорят, но, к удивлению своему (которое желал бы сам от себя скрыть), порой не вполне знает, насколько ограничена его власть».

Начиная с Петра, уже полтора века самодержавие пыталось создать эффективное государство путём различных структурных комбинаций с элитой. К концу царствования Николая I стала очевидной исчерпанность таких комбинаций. Верховная власть вплотную подошла к осознанию того, что преодолеть бюрократическое обволакивание без привлечения к этому некоей внешней силы просто невозможно. Престол всерьёз задумался о существовавшем уже несколько десятилетий мнении о допуске к делам государственного управления так называемой «общественности».

IX. Пространство власти между самодержавием, бюрократией и «общественностью»

Миф об «общественности»

Мифологизированный образ «общественности» представляет собой очевидный пропагандистский продукт либерального мировоззрения пореформенной эпохи. Весьма спорно уже само употребление данного термина применительно к российским реалиям. В европейских государствах с развитым (в большей или меньшей степени) гражданским обществом – это прослойка населения, в целом вписывавшаяся в рамки «среднего класса» и – главное – причастная к власти через представительские институты. В России же «общественность» – это, прежде всего и главным образом, служащие, занятые не только в структурах управления, но и других сферах государственной жизни, в частности, культуре, науке, образовании, здравоохранении. Из представителей «общественности» не состоявшими на службе могли быть разве только дворяне. Однако участие в жизни дворянского общества походило на отправление определённых обязанностей, а фактическое положение аристократии сводило к минимуму разницу между службой сословной и государственной.

В отличие от начала XIX в., когда Сперанский под носителями общественного мнения подразумевал именно чиновничество, «общественность» кануна Великих реформ представляла собой более сложный организм. Однако та или иная причастность к государственной службе по-прежнему оставалась основополагающей характеристикой «общественности». Даже предпринимательская среда – очевидное порождение модернизации – продолжала пребывать в зависимости от государства.

«Общественность» являлась, по сути, своеобразной производной от бюрократии. Отсюда понятна и вожденная мечта «общественности» – пристроиться к власти. (В этом-то и заключалось принципиальное отличие русской «общественности» от европейской.) Причём в силу своего служебного статуса, а также интеллектуального багажа и профессиональных качеств «общественность» была реально способна на это. Потому самодержавие и сочло возможным привлечь её к выработке программы освобождения крестьян.

**«Общественность»
и «либеральная бюрократия»
как продукты режима модернизации**

Данное решение отнюдь не вносило каких-то радикальных перемен в устоявшуюся практику управления. По сути, речь шла всего лишь о том, чтобы несколько потеснить высшую бюрократию служащими иного качества и гораздо более низкого уровня. Но идеологическое значение такого шага оказывалось

колоссальным: впервые за многовековую историю России к выработке властных решений допускались люди «не по чину», а то и вовсе посторонние элементы. Поэтому «призвание общественности» потребовало серьёзной корректировки самого стиля самодержавного властвования.

Первым новшеством здесь явилась санкционированная Александром II гласность. Она стала не просто знаком, подаваемым «сверху» «общественности» и свидетельствовавшим о востребованности последней, но непосредственным инструментом формирования нужных престолу мнений и настроений. При этом власть, безусловно, полагала, что и в перспективе гласность останется управляемой.

Апогей «призвания общественности» к сотрудничеству с верховной властью – деятельность Редакционных комиссий. Эффективное большинство из правительственных чиновников (причём не самого высокого ранга) и экспертов от «общественности» явилось максимально возможным на тот момент вариантом интеграции в управленческие структуры «небюрократических» элементов.

Тем временем и правительство оказалось уже не «единственным европейцем в России». Чиновники, вестернизированные ещё при Николае I, обрели в ситуации гласности возможность находить друг друга и уже совместно объединяться вокруг наиболее конъюнктурных и перспективных проектов. Так оформилась группировка «либеральных бюрократов» – главных проводников модернизационных Великих реформ.

От Великих реформ – к обвальнoй модернизации

Осуществлённые самодержавием Великие реформы придали модернизации обвальнoй характер и, соответственно, неизмеримо усилили разрушительные для традиционной власти и государственности тенденции. Режим модернизации так и не привился в России за два с половиной века романовского царствования. Он продолжал оставаться для страны, возникшей и развивавшейся по принципиально иному цивилизационному пути, чужеродным и противоестественным. А, значит, и губительным.

Негативные последствия Великих реформ значительно превосходили их позитивный эффект. Благие модернизационные начинания, как и прежде, приводили к противоположным результатам. Санкционированная престолом гласность не только стремительно вырвалась из-под высочайшего контроля, но и обернулась разнузданной дискредитацией власти. Крестьянская реформа, не разрешившая проблемы малоземелья, привела к наводнению городов огромной взрывоопасной пролетарской массой. Земские учреждения вместо сосредоточения на местных хозяйственных и социальных проблемах стали инкубаторами либеральной оппозиции самодержавию. Даже, казалось бы, наиболее нейтральная в политическом смысле судебная реформа привела к чудовищному фарсу, когда официальная государственная юстиция в лице суда присяжных вынесла оправдательный приговор террористке В. И. Засулич.

Модернизационная среда видоизменяла даже привычную и устоявшуюся схему обволакивания власти. Яркий тому пример – возникшая вскоре после отмены крепостного права одновременно в диаметрально противоположных по своей политической ориентации частях элиты идея о необходимости «партийного строительства».

Продуктивность Редакционных комиссий навела их лидера – Н.А. Милютину – на мысль пойти ещё дальше и всерьёз задуматься о создании надёжной опоры проводимому властью реформаторскому курсу в виде своеобразной «партии центра», которая должна будет удерживать либеральную «общественность» от чрезмерной радикализации. (Весьма примечательно, что Милютин как высокопрофессиональный чиновник, тонкий знаток аппаратной среды и фактический лидер подготовившей крестьянскую реформу «либеральной бюрократии» прекрасно понимал, что подогреваемая неудовлетворёнными амбициями и алчущая причастности к власти «общественность» таит в себе опасный антигосударственный энергетический потенциал.)

Одновременно точно такая же мысль вынашивалась и идейным оппонентом «либеральной бюрократии» – консервативным дворянством, которое видело задачу подобной партии как раз в обратном – в противодействии радикалам-чиновникам, проводящим угрожающие основам государственности реформы.

Иными словами, и «либеральная бюрократия», и консервативное дворянство намеревались укреплять страну (а, значит, и её власть) одним и тем же способом – структуризацией умеренной «общест-

венности» на партийной основе, т. е. опять-таки в духе несовместимого с самодержавием гражданского общества. И хотя оформление системы политических партий, отражавших интересы «общественности», произошло у нас намного позже, фактическое размежевание цензового мира в соответствии со степенью радикализации составлявших его группировок обозначилось именно в эпоху Великих реформ.

«Разбуженная» гласностью «общественность», замешанная из того же самого «служебного теста» и поднявшаяся на тех же самых модернизационных «дрожжах», что и бюрократия, помогала последней оказывать давление на престол. Великие реформы превратили бюрократию во влиятельного менеджера, без которого самодержавие уже попросту не могло более управлять империей. То есть в результате проведённых Александром II преобразований чиновничество смогло осуществить свою давнюю мечту о соправительстве с царём. Положение элиты в пространстве власти стало отныне фактически легальным и практически незыблемым. На данном этапе она пока и не желала большего. Самодержавие было ей необходимо как единственная сила, способная довести до конца модернизацию страны. Именно поэтому М. Т. Лорис-Меликов вовсе и не помышлял о конституции, а, напротив, пытался усилить энергетический потенциал самодержавия путём возрождения образа инициативной монархии эпохи кануна и начала Великих реформ. Уже после своей отставки в частной беседе он говорил:

«Все Романовы гроша не стоят, но необходимы для России».

«Общественность» осуществляла и идеологическое обеспечение модернизации. Тот же миф о «конституции» Лорис-Меликова стал типичным пропагандистским трюком, предпринятым «общественностью» ради «подогревания» модернизации уже «снизу». В ситуации, когда кадровая политика по-прежнему оставалась исключительной прерогативой престола, «общественное мнение» становилось важнейшим инструментом «продавливания» нужных элите отставок и назначений. Подобная игра в четыре руки, проводимая сработавшимися друг с другом бюрократией и «общественностью», с одной стороны, позволяла удерживать самодержавие в «ширах» модернизационного курса, а с другой – всё больше изолировала верховную власть от возможности контролировать протекавшие процессы (см. рисунок 9).

Х. Попытка свёртывания модернизации и гибель самодержавия

Ревизия петровского образа верховой власти

Политический процесс становился всё более многослойным. Модернизационная коррозия стремительно разъедала фундаментальные основы традиционной власти и исторической государственности. Самодержавие интуитивно почувствовало, что переживаемые «нестроения» проистекают во многом из-за крутого разворота в сторону Европы в начале XVIII в., и попыталось при Александре III и Николае II дать обратный ход – в Россию допетровскую.

На протяжении почти трёх столетий престол, стремясь усилиться, возобладать над непокорной элитой и, следовательно, сделать собственный властный монополизм эффективным с помощью самых разнообразных аппаратных инноваций, лишь подгонял модернизацию. Передача верховной властью части собственного суверенитета элите оказалась невосполнимой утратой для трона и неоценимым приобретением для бюрократии. После этого взаимоотношения между ними неуклонно развивались в направлении соправительства, фактически достигнутого в эпоху Великих реформ.

Превращение бюрократии в главного модернизатора империи означало, что такое соправительство окажется абсолютно нежизнеспособным. Попытки самодержавия найти себе опору вне бюрократической иерархии были заранее обречены на неуспех: в государстве, возникшем и на протяжении многих веков развивавшемся лишь благодаря всеобщей службе, просто не существовало ничего, кроме власти и её подданных самых разных уровней, рангов, чинов и званий. Как показала предыдущая романовская эпоха, эта тотальная служебная зависимость и служение престолу не только не совпадали, но всё больше и больше взаимоисключали друг друга. Полная и окончательная изоляция престола от остальной страны становилась делом времени. Модернизационные Великие реформы обрекали традиционную верховную власть на неминуемую гибель.

«Новый курс» самодержавия

Чтобы избежать подобной перспективы, самодержавие развернуло массированное наступление сразу в двух направлениях.

Во-первых, оно взялось за обустройство нового домена, вынесенного за пределы как бюрократии, так и в целом всей модернизационной среды. (То есть самодержавием ставилась изначально невыполнимая задача.) При Александре III роль такого домена вновь предполагалось отвести дворянству. Через возвращение вотчинной власти помещику престол намеревался усилить свои позиции на уровне местного управления, в определённом смысле противопоставляя его высшей бюрократии.

Однако дворянство совершенно не годилось для подобного проекта. Оно само уже изрядно видоизменилось под воздействием модернизации. Предпринятые самодержавием меры отнюдь не компенсировали тех негативных последствий крестьянской реформы, которые испытало на себе поместное дворянство. Попытка престола обрести домен в этом со словии не только не увенчалась успехом, но и обернулась усугублением чиновничьего произвола на местном уровне.

При Николае II верховная власть обратилась за поддержкой уже непосредственно к народу, который, по её мнению, представлял собой стихию, наименее затронутую модернизацией и, следовательно, сохранившую традиционную привязанность к царю. Установка на преодоление бюрократического «средостения» между государем и подданными стала одним из главных идеологических ориентиров самодержавия.

Но и здесь его ожидала неудача. Сама по себе народная стихия не могла стать доменом, она нуждалась для этого в определённой организации. Единственным в нашей истории примером домена, выведенного за пределы пространства власти, были Земские соборы. Но эпоха, когда их потенциал можно было бы обратить во благо престола, уже давно прошла. А любая попытка возродить Соборы неминуемо обернулась бы фарсом типа затеи Н.П. Игнатьева в начале царствования Александра III.

Оказалась неоправданной и идеализация верно-подданнических настроений народа, уже подпавшего под пропагандистское воздействие «общественно-

сти». Да и сама борьба со «средостением» больше принимала формы нетрадиционных презентаций верховной власти, нежели реальных действий, которые ещё, может быть, и могли бы вырвать народ из-под идеологической «опеки» «общественности». В итоге «новое издание» самодержавного домена так и не состоялось.

Во-вторых, престол стал элементарно «подмораживать» ситуацию, оказывая посильное сопротивление прогрессирующей модернизации. Однако эта функция была вменена в обязанность всё той же бюрократии, которая, таким образом, оказывалась вынужденной действовать наперекор собственным корпоративным интересам. Но главный просчёт самодержавия на данном направлении заключался даже в другом. У верховной власти попросту не было концепции развития страны, альтернативной модернизационной.

«Новый курс», проводимый обоими последними государями Дома Романовых и нацеленный на возвращение России в русло естественного для неё немодернизационного развития, оказался неэффективным анахронизмом. Более того, насаждавшаяся прежде «сверху» вестернизация в определённом смысле маскировала онтологическую несовместимость самодержавия и модернизации. Теперь же, когда престол стал в таком же директивном порядке разворачивать подданных в сторону национально-ориентированных ценностей, эта несовместимость проявилась в полную силу. Революционный террор, антигосударственность либеральной «общественности» и латентный конституционализм высшей бюро-

кратии явились лишь разными уровнями общего для всей модернизационной среды неприятия верховной власти и её «нового курса» (см. рисунок 10).

От «конституционного самодержавия» – к «Новой Смуте»

Манифест 17 октября 1905 г. и новая редакция Основных законов Российской империи фактически означали трансформацию самодержавия в некое подобие конституционной монархии. Наступала эпоха кардинальной перекройки сфер влияния в пространстве власти. Правда, престолу удалось ещё более десяти лет продержаться по-прежнему главным субъектом политического процесса. Однако данный факт явился отнюдь не его заслугой, а результатом лавирования между бюрократией и «общественностью», превратившимися из вчерашних союзников в конкурентов за влияние на принятие управленческих решений.

Статус бюрократии, соправительствовавшей с самодержавием, оказался поколебленным «общественностью», которая обрела-таки вождельную причастность к власти через представительство в Думе и Государственном совете. До установления «третьеиюньского режима» пространство власти было попросту парализовано неуёмным радикализмом Думы. Да и после издания нового избирательного закона ситуация не изменилась принципиальным образом.

Высшая бюрократия затрачивала немало сил на то, чтобы поддерживать иллюзию думцев относительно их влияния на текущий политический про-

цесс. Обычный для европейских режимов торг между парламентом и правительством (как, впрочем, и все остальные модернизационные инновации) превращался в России в дикий фарс. «Вермишель» (мелкие и частные законопроекты) становилась «жвачкой», которой правительство оберегало себя от скандальных думских деклараций. А право обсудить бюджет оказывалось для представителей «общественности» главным свидетельством их значимости и влиятельности. Свидетельством, за которое они были готовы пойти практически на любой компромисс с правительством.

Однако с началом Первой мировой войны престол более уже не мог обеспечивать свой суверенитет лишь пребыванием «над схваткой» правительственной бюрократии и думской «общественности». Но ресурса, способного, хотя бы на время войны, консолидировать пространство власти, у самодержавия не было. Вместе с тем царь продолжал оставаться центром принятия легитимных управленческих решений. Подобное несоответствие фактического и формального статусов государя неизбежно вело к кризису власти.

В данной ситуации трон попытался сгладить это нараставшее несоответствие поддержанием консенсуса между всеми тремя субъектами пространства власти – государем, высшей бюрократией и правительством. Но в условиях усиливавшегося кризиса власти такой консенсус лишь способствовал нагнетанию деструктивных тенденций. «Министерская чехарда», явившаяся весьма специфическим способом подгонки кадровой политики под представляе-

мое Думой «общественное мнение», не только не заглушила взаимные конфликты внутри пространства власти, но и дискредитировала престол как дееспособный субъект этого пространства. Оказавшись в политической изоляции, самодержавие пало, увлекая за собой в небытие и всю тысячелетнюю монархическую традицию нашей государственности.

Установление постфевральской системы стало торжеством модернизации. Вслед за самодержавием в Лету канула и высшая бюрократия. «Общественность» неожиданно обрела монопольное господство в пространстве власти. Радикалы, ощущавшие за собой поддержку всей нецензурной России, на первых порах попросту отошли в сторону. Сформированное «общественностью» Временное правительство пыталось обеспечивать суверенитет через провозглашение как правопреемственности в отношении прежней власти и её институтов, так и особых санкционированных революцией полномочий. Однако эта амбивалентная легитимация вовсе не гарантировала управленческой эффективности. Очень скоро новая власть столкнулась со старыми межведомственными конфликтами, усугубляемыми ныне ещё и партийными противоречиями. Она не торопилась и с выстраиванием инфраструктуры, относясь к собственной деятельности как к исключительно временным шагам, призванным лишь «дотянуть» Россию до Учредительного собрания. Мировоззренческий идол модернизации дезориентировал правительство относительно

приоритетов его политики. Оно всё более выказывало свою неспособность «удержать» не только ситуацию в стране, но и собственную власть. «Пробуждающаяся» нецензурная Россия играючи оттесняла либералов от рычагов управления. Попытки «общественности» сохранить контроль над нецензурным миром путём формирования более «левых» кабинетов и легитимации «двоевластия» оказывались паллиативом, позволявшим лишь на время отсрочить неизбежный крах постфевральской системы. Сваливший самодержавие режим модернизации столкнулся с грозной и неведомой нецензурной стихией, заинтересованной отнюдь не в гражданском обществе, а в элементарном материальном благополучии и весьма специфически понимаемой «воле». Временное правительство оказалось не в состоянии удовлетворить эти требования. Пророчески в реалиях 1917 г. звучали произнесённые несколько десятилетий назад слова А.И. Герцена:

«В России никогда конституции не будет, и средний, умеренный либерализм в ней никогда не пустит корней. Это для России слишком мелко».

Народ ждал силу, которая смогла бы мобилизовать пространство власти на достижение его вождельных целей. Эта сила пришла в Октябре 1917 г. После трёх столетий романовской модернизации Россия возвращалась на привычный для неё мобилизационный путь развития, а власть – в традиционное концентрированное состояние. Об этой пронизывающей всю нашу историю уди-

вительной преемственной взаимосвязи власти и мобилизации гениально сказал М. А. Волошин:

Что менялось? Знаки и возглавья.

Тот же ураган на всех путях:

В комиссарах – дурь самодержавья,

Взрывы революции в царях.

XI. Возрождение мобилизации

Пространство Советской власти

Режим, начавший утверждаться после Октябрьской революции, разительно контрастировал не только с постфевральским безвластием, но и со всей предшествовавшей многовековой управленческой традицией. Впервые становление нового носителя власти и новой элиты протекало не просто синхронно, но разворачивалось в недрах одного политического субъекта – большевистской партии. Поэтому концентрация суверенитета представляла собой двухуровневый одновременный процесс – утверждение безраздельного господства партии (под вывеской «диктатуры пролетариата») и стремительное обособление её лидеров от всей остальной большевистской массы. Партийные вожди выстраивали жёсткую иерархическую пирамиду, в которой дистанция между ними и остальным ЦК (и тем более – рядовыми членами) постепенно превращалась в непреодолимую пропасть.

В формирующемся пространстве Советской власти партия (как и дворянство с приказами в конце XV – первой половине XVI вв.) оказывалась не только «плотью» государственного аппарата, но и домом, контролирующим элиту и обеспечивающим

должную дистанцию между ней и носителем (непродолжительное время остававшимся «коллективным») власти (см. рисунок 11). Ёмкую и точную характеристику возводимой системы дал весной 1923 г. И. В. Сталин. Он указал на необходимость того, чтобы партийная вертикаль

«облегалась широкой сетью беспартийных массовых аппаратов, являющихся щупальцами в руках партии, при помощи которых она передаёт свою волю рабочему классу, а рабочий класс из распылённой массы превращается в армию партии».

По мере выстраивания этой системы большевистские лидеры целенаправленно и последовательно «отжимали» из партии её властный ресурс, накопленный за годы революционного прошлого. Этот ресурс перекачивался ими в их собственный суверенитет. Подобная стратегия реализовывалась путём постепенного сворачивания принципа «коллективного руководства». Роль Пленума ЦК как ключевой инстанции, принимающей решения между съездами, умахалась. Одновременно резко возрастало значение прежде исключительно технических структур ЦК – Политбюро, Оргбюро и Секретариата. Причём Оргбюро и Секретариат сосредотачивали в своих руках всю кадровую политику партии. Таким образом, технология властвования партийных лидеров становилась всё более непрозрачной не только для массы рядовых большевиков, но даже для самого ЦК.

Происходящий процесс весьма метко и образно охарактеризовал Н. Осинский (Оболенский). В октябре 1919 г. он писал В. И. Ленину:

«У нас есть великий политический вождь, которому принадлежит бесспорное руководство партией и революцией, – т. Ленин. Это великий и тактический политик и несравненный создатель политико-организационных линий и лозунгов – политический алгебраик. Но в то же время он не организатор-техник по индивидуальным особенностям – не знаток организационной арифметики. Это всегда признавалось и им самим. Вот почему рядом с Лениным был раньше Свердлов, который алгебраическими формулами решал конкретные арифметические задачи. Свердлов был хорош тем, что он был политически вполне надёжен, при нём подчинённый ему организационный аппарат и в смысле личного состава конструировался так, что всегда был в руках».

Ленин остро чувствовал своего рода организационный «вакуум», образовавшийся после смерти Я.М. Свердлова, и был вынужден апеллировать к людям, обладавшим особой аппаратной «жилкой». Неблагоприятные как для большевистского этоса, так и для конкретной повседневной работы последствия привлечения подобного рода элементов очень скоро стали очевидными. Пополнение партийного аппарата так называемыми «новорождёнными» коммунистами приносило в практику строительства режима целый ряд новых проблем. Осинский констатировал:

«Фактически для претворения алгебраических формул в важнейших узлах работают или не организаторы, или хорошие исполнители (а нередко и плохие) – “чиновники”, если так можно выразиться... У нас на ответственных местах сидит масса таких, которые “умеют ла-

дять”, не оскорбляют чужого самолюбия, не имеют крутого нрава... У нас на ходу куча свадебных генералов, надёжной бездари и “политической” мелкоты... ряд дельных организаторов болтается без дела или на вторых делах... При Свердлове их (организаторов) было порядочно».

Чтобы избежать организационного разлада, Осинский предложил Ленину возместить отсутствие «гения организации» Свердлова неким «коллективным гением» в лице организационной диктатуры из трёх членов ЦК – И.В. Сталина, Н.Н. Крестинского и Ф.Э. Дзержинского. Отвергая принцип коллегиальности, который неизбежно сопровождается сложными взаимоотношениями, возникновением трений, симпатий и антипатий, борьбой за первенство, Осинский видел выход в сугубо бюрократической модели, способной изменить организационные формы в рамках устоявшейся коммуникативной системы.

Между тем становилось всё более очевидным, что паллиативные меры (создание Политбюро и Оргбюро) по-прежнему не могут решить главную задачу – освободить партийную структуру от «мертвечины и маразма». А стремительно утверждавшийся аппаратный стиль руководства продолжал трансформировать РКП (б) в строго иерархическую систему. Характерно, что именно в это время Сталин и провёл своё известное сравнение партии с Орденом меча.

Революционная эпоха порождала вождей-трибунов, чья влияние зависела преимущественно от их харизмы. Когда же революция завершилась, и перед партийным руководством встала задача возведе-

ния новой государственности, оказался востребованным и принципиально новый тип политического лидера, адекватного повседневной рутинной созидательной деятельности. Если Ленин смог в равной степени успешно играть на обеих «площадках», то Л. Д. Троцкому уже явно не давалась роль функционера. Поэтому в последние годы жизни Ленина, когда состояние здоровья вождя не позволяло ему вплотную контролировать политический процесс, реальная власть оказалась не у Троцкого, а у «триумvirата» из членов Политбюро Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и И. В. Сталина.

Ф. И. Дан считал, что Троцкий понимал всю гибельность пути, по которому ведут страну преемники Ленина:

«В однородном положении сам Ленин в 1921 году не поколебался поставить вопрос политически и круто повернуть руль от «военного коммунизма» к нэпу. В 1923 году в Троцком мужества не оказалось. Он не мог не понимать, что единственная возможность спасения – в переходе от нэпа экономического к нэпу политическому, к ликвидации диктатуры. Но он не посмел не только сказать, но и додумать этой мысли до конца».

Из «триумвиров» именно Сталин как Генеральный секретарь ЦК РКП (б) оказался в самом центре непомерно усилившегося партийного аппарата. Это и предопределило его превосходство в развернувшейся после смерти Ленина борьбе за единовластие. Лавируя между своими конкурентами, Сталин использовал всю мощь подконтрольного ему аппарата для обеспечения собственных интересов на партийных форумах.

«Молодое вино в старых мехах»:
новая элита идёт проторённым путём

Генеральный секретарь возвысился благодаря тому, что смог мобилизовать на решение этой задачи партийную бюрократию. Однако сама по себе эта сила буквально сразу после установления большевистского режима стала на традиционный для элиты путь обволакивания власти. Уже в начале 1919 г. Ленин впервые после революции заговорил о бюрократизации государственной жизни:

«Старый бюрократический элемент мы разогнали, переворошили и затем начали опять ставить на новые места. Царские бюрократы стали переходить в советские учреждения и проводить бюрократизм, перекрещиваться в коммунистов и для большей успешности карьеры доставать членские билеты РКП. Таким образом, мы их прогнали в двери, они влезают в окно!»

Вождю вторил и В. А. Антонов-Овсеенко:

«Бюрократизм внесён теми элементами, которые работали в старых правительственных самодержавных или феодально-буржуазных учреждениях. Они принесли свои навыки к нам. Спросите любого из комиссаров, не лежит ли у него какой-нибудь том Свода Законов старого самодержавного правительства. Я думаю, что у многих найдётся».

Действительно, старорежимные чиновники обладали в первые послереволюционные годы среди служащих подавляющего большинства комиссариата-

тов. Однако подлинная причина бюрократизма, проявившегося и неуклонно набиравшего силу уже на начальном этапе существования нового режима, коренилась в другом. Напряжение большевистской мобилизации оказалось настолько мощным, что идеократия вырвалась из сферы высоких целеполагающих смыслов и заполнила всю общественную жизнедеятельность вплоть до самых заурядных проявлений повседневности. Но было совершенно невозможно повсеместно поддерживать такое напряжение сколько-либо продолжительное время. Профанация идеократии становилась неизбежной, и никто, кроме партийно-бюрократической элиты, не мог с должной «виртуозностью» справиться с подобной задачей, под которую сама же власть вынужденно отводила всё новые и новые вакансии.

В итоге вместо «коммунистически организованного труда» большевики получили громоздкий и неповоротливый бюрократический аппарат, гарантировавший относительную устойчивость режима, но не обеспечивавший «самонастройки» общества, неспособный оперативно реагировать на вызовы текущей политики, предпочитавший действовать в обход регулярных органов чрезвычайными мерами и структурами, а также активным использованием «ударных», основанных на энтузиазме способов решения народнохозяйственных проблем.

Советы, ещё совсем недавно являвшиеся «очагами» не подвергшейся профанации народной самодеятельности, утрачивали роль организаторов масс. Реальное руководство Советами переходило в руки исполкомов и президиумов, контролируемых партийными функционерами.

Внутри самой элиты, между её различными «фракциями» и «этажами», также всё чаще возникали осложнения. Представители центральных ведомств и главков в регионах не только не подчинялись местным органам власти, но и просто подавляли их своим авторитетом. Разнообразные попытки исправить это положение на деле ни к чему не приводили. Было признано, что решение о включении представителей ведомств и главков в общую систему Советов выполнить не удалось. В то же время не получили дальнейшего развития и призывы предоставить Советам права контроля и участия в работе местных отделений ведомств и главков.

На местах вырисовывался такой принцип организации управления, который уже современники называли «личным режимом». Чиновник, посланный Центром и наделённый особыми полномочиями, «перетаскивал» за собой «своих людей», лично преданных и подчинявшихся только ему. «Личный режим», конечно, выглядел оправданной мерой там, где Советская власть была слаба, и требовались решительные действия по наведению порядка. Однако после гражданской войны, по мере налаживания мирной жизни, недовольство данными формами руководства нарастало. По рукам пошли листовки с прямыми призывами создать «партийную организацию низов в противовес организации верхов». Причём под «верхами» подразумевались не вожди, фактически выведенные из-под критики, а именно партийный аппарат.

Прямая апелляция к вождям через голову аппарата наглядно свидетельствовала о том, что важнейший элемент властного сценария большевистской вер-

хушки сработал. Вожди закрепили за собой в народном мнении право прямого, а не аппаратного выражения интересов людей. В ситуации, когда элита начинала всё отчётливее работать прежде всего на себя, вопрос о её возвращении на «подобающее место» стоял для носителей власти достаточно остро. Усиливавшееся недовольство трудящихся партийной бюрократией обеспечивало легитимацию чрезвычайных мер в отношении как неё самой, так и в целом всего государства.

Удерживая аппарат в постоянном напряжении, вожди в то же время вынуждены были смотреть на жизнь его глазами и, следовательно, исподволь привыкали к чуждой для себя и естественной для элиты модернизации. (Необходимо подчеркнуть принципиальную разницу между модернизацией как режимом, противоположным мобилизации и отвечающим интересам элиты, и тем смыслом, который с первых лет советской эпохи и вплоть до сегодняшнего дня часто вкладывается в это понятие. В последнем случае под «модернизацией» подразумевается непосредственное лексическое значение этого слова, а именно «обновление», «развитие», «совершенствование». Например, индустриализация – это модернизация промышленности, осуществлённая в режиме мобилизации.) Когда же модернизационное «зарастание» пространства власти превышало допустимую норму, против него использовались самые разнообразные «средства».

Сталинская технология нейтрализации элиты

Ленин ещё надеялся преодолеть бюрократическое опутывание, правда, так же, как и его самодержавные предшественники, с помощью преимущественно административного конструирования, подстёгиваемого «орабочиванием» партийно-государственных институтов.

Сталин, окончательно расправившись с оппозицией и не уравнивая однопартийность правом фракционной борьбы, компенсировал структурную «жесткость» созданного режима масштабным, ясным и понятным мобилизационным проектом строительства социалистического будущего. Этот проект позволял вождю довольно ловко манипулировать элитой.

Его замысел сводился к тому, чтобы столкнуть между собой различные «слои» бюрократической иерархии. В такой ситуации каждый чиновник дышал в спину своему начальнику, вождедея занять его место, и, следовательно, сковывал попытки этого начальника подсадить уже своего непосредственного руководителя. Чем ближе тот или иной функционер находился к власти, тем длиннее оказывалась вереница нижестоящих и желающих продвинуться по служебной лестнице – в том числе и на его место. Очевидные выгоды карьерного роста неизменно подталкивали каждого функционера стремиться «вверх». Любой чиновник рано или поздно должен был отступить и упасть, освободив своё место идущему следом. Или, напротив, оказывался вынужденным сбро-

сить нижестоящего, дабы уберечь самого себя от посягательств «снизу». Существование между молотом начальства и наковальной подчинённых становилось чем-то обыденным. В результате в подобном междоусобном противостоянии чиновников преимущественно и растрчивалась их энергия.

Сталин начал осуществлять свой замысел в середине 1920-х гг.: процесс расслоения элиты был запущен введённой тогда номенклатурой должностей. Эта номенклатура закладывала основы просуществовавшей десятилетия советской кадровой политики. Вся вертикаль должностных назначений превращалась в собственный удел власти. Регулярные кадровые перетасовки предотвращали обволакивание.

Данная технология управляемого внутрикорпоративного конфликта оказалась настолько эффективной, что режим апробировал её и вне пространства власти – на широких слоях населения страны. Результаты и здесь были впечатляющими. Директивное расслоение деревни на бедняков, середняков и кулаков значительно облегчило осуществление сталинского плана коллективизации. Выделение на основе социалистического соревнования своеобразной «рабочей аристократии» обеспечило поддержание внутри трудящихся необходимого для индустриализации «градуса».

Успех масштабного мобилизационного рывка, начатого Сталиным в конце 1920-х гг., оказался закономерным результатом его политики в отношении номенклатуры. Однако со временем становилось всё более очевидным, что старая элита, возвысившаяся на волне революционного хаоса, в принципе не в со-

стоянии быть надёжным инструментом возведения той государственности, на которую был нацелен Сталин. Мировоззренческие установки и ценностные ориентиры этой элиты шли вразрез с намерением вождя максимально сконцентрировать собственную власть.

В партии имелась значительная группа, связывавшая своё существование с нэпом и воспринимавшая его как единственно возможный стиль экономической и политической жизни. Люди, входившие в эту группу, отличались друг от друга по мотивационным установкам и ценностным ориентирам. Одни из них были закостенелыми обюрократившимися чиновниками, не желавшими никаких перемен, другие – убеждёнными сторонниками нэпа, третьи просто предпочитали нормальную хозяйственную работу любым левацким «загибам».

Сам нэп, возникший на волне массового народного возмущения политикой «военного коммунизма», явился, по сути, «недовыбором» или отложенным (до восстановления экономики – по крайней мере, как тогда казалось) выбором между модернизационной и мобилизационной моделями развития. В реалиях 1920-х гг. первая предполагала «плавное» вхождение в «государственный социализм», но с рынком, а вторая – «скачок» в социализм без рынка.

Элементы обеих моделей в 1922–1928 гг. присутствовали и переплетались в многоукладной экономике страны. Ситуация «недовыбора» во многом объяснялась тем, что новая государственность создавалась буквально «с чистого листа». Пространство власти ещё только структурировалось. Поэтому нет ничего удивительного в том, что внутри большеви-

стской элиты бок о бок сосуществовали «лоббисты» взаимоисключающих друг друга сценариев.

«Недовыбор» постоянно провоцировал «перетягивание каната» то в сторону рынка, то в сторону государственного регулирования. Такая неопределённость вызывала кризисы нэпа. В то же время возможность менять пропорции между модернизационными и мобилизационными элементами обостряла борьбу за власть внутри партии – партии, скованной резолюцией о единстве, но пока ещё не имевшей бесспорного лидера.

В ближайшем окружении Сталина (или, точнее, на самом верхнем «этаже» элиты) – в Политбюро и ЦК – сложились коалиции, предлагавшие собственные варианты дальнейшей судьбы нэпа и выхода из его очередного кризиса, связанного со срывом плана хлебозаготовок в 1927–1928 гг. Первая (наиболее откровенные выразители – В. М. Молотов и Л. М. Каганович) ориентировалась на жёсткие антинэповские чрезвычайные меры. Вторая (Н. Осинский и Г. Я. Сокольников) выступала за углубление нэпа и выход из кризиса путём «отступления», т. е. длительного восстановления хозяйственного равновесия между городом и деревней. Третья (сам Сталин и группа Н. И. Бухарина), не без первоначальных колебаний и реверансов в сторону первых двух коалиций, заняла на пике кризиса умеренную центристскую позицию – не развивать безгранично нэп, но и отменить чрезвычайные меры как способ преодоления кризиса.

В этой острейшей ситуации Сталин просто предпочитал выжидать, избегая более артикулированной позиции. «Идейное убожество» (высказанное И. Т. Смилгой

обвинение в адрес Центра) и «аппаратное могущество» оказывались более эффективными «средствами» политического выживания, нежели принципиальное следование тому или иному курсу.

Именно в конце 1920-х гг. отчётливо обозначился стиль сталинской власти. Важна не «программа», под которую следует задействовать те или иные «рычаги». Значимы именно последние. С помощью таких рычагов возможны разнообразные «политические импровизации», укрепляющие носителя власти независимо от их возможных последствий. И здесь Сталин оказался гораздо сильнее Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского, боровшихся за «генеральную линию» партии. Точнее, за её, как они полагали, адекватную интерпретацию.

К началу 1929 г. завершилась перестройка низового аппарата партии. Основные кадры секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий республик были укомплектованы из лиц, пропущенных через «Особый сектор» и назначенных «Сектором кадров» «Кабинета Сталина». Под контроль попали профсоюзы и ведущие органы печати. Осенью 1929 г., накануне принудительной коллективизации – «революции сверху», в одну точку сводились и усиление темпов хлебозаготовок с использованием чрезвычайных мер, и удары по рынку, и открытая апелляция к «самоорганизованной» бедноте и молодой, активной части рабочего класса, и окончательная изоляция «правой» группы Бухарина. Дорога к невиданной по своей интенсивности мобилизации за счёт неограниченного силового воздействия была открыта. Последовательное сокращение сферы действия «коллек-

тивного руководства» позволяло Сталину вплотную приступить к выстраиванию «личного режима».

Можно ли говорить о «заговоре» партийно-бюрократической элиты, стремившейся к утверждению своего господства под прикрытием лозунгов «социалистической реконструкции»? Соответствует ли эта концепция «заговора», вдохновлённого, по Троцкому, борьбой партийных чиновников с новыми собственниками за долю национального дохода, реальной ситуации? По мнению Ст. Козна, существование «заговора бюрократов» означало бы, что этот «новый класс» решил покончить жизнь коллективным самоубийством. Партийная и советская бюрократия 1920-х гг. не могла «обуржуазиться» в традиционном социально-экономическом смысле этого слова. Она «врасстала» не в нэповскую экономику, а в государственный сектор, с которым были связаны её интересы и благополучие.

Вождь сумел в очередной раз «перетрясти» элиту, сделав её ответственной за «перегибы» коллективизации. В результате одна часть бюрократии «перемололась» в процессе коммунистического «преображения» деревни, а другая – в очередной раз притихла, найдя для себя новые «ниши» и «кормушки». Теперь уже не могло быть и речи о каком-либо явном сопротивлении Сталину. Споры в Политбюро свелись к элементарному ведомственному лоббизму. Однако вождь прекрасно понимал, что даже незначительные расхождения во взглядах, особенно при обострении внешней угрозы, таят в себе потенциальную опасность для его «личного режима».

Стиль работы старой элиты являлся закономерным результатом её революционных стереотипов. Творимые «от имени» Сталина неоправданные перегибы не только дискредитировали носителя власти, но и ощутимо снижали эффективность мобилизационного рывка. В сложившейся ситуации единственным выходом оставалась масштабная и охватывающая все уровни партийно-бюрократической иерархии ротация номенклатуры. Такая ротация произошла в ходе «великой чистки». Расставленная на освободившиеся места новая элита оказалась абсолютно подконтрольной Сталину.

Однако Большой Террор 1937–1938 гг. был вызван потребностями не только «кадровой революции». Целевыми объектами террора явились прежде всего слои общества, которые нарушали политическую и социальную «гомогенность» советского народа. К ним относились кулаки, «социально опасные элементы» в городах, основная масса духовенства, традиционные враги большевиков (эсеры, меньшевики, анархисты), бывшие «белые», «контрреволюционный национальный контингент» и другие «антисоветские элементы». Предполагалось не только нейтрализовать ту часть населения, которая в преддверии войны рассматривалась как наиболее вероятная «пятая колонна», не только решить ряд внутривнутриполитических проблем, связанных с непредусмотренным «либеральным» прочтением новой Конституции и выборами 1937 г., но и устранить любые препятствия для создания однородного, надёжного, «правильного» народа.

Непривычные функции режима

С первых же дней Великой Отечественной войны обнаружилась иллюзорность широко разрекламированного официальной пропагандой монолитного единства советского народа. Сводки НКВД за 1941 г. зафиксировали многочисленные примеры сомнений и даже протестов по поводу предложенного властью смысла начавшейся схватки, а также тех ценностей, которые надо защищать. Однако трагическое развитие событий на фронте, неизбежность каждодневного выбора между жизнью и смертью, выбора, затрагивавшего каждого человека, не оставляли альтернативы подлинной консолидации народа, помогли многим подняться выше «классовых обид».

Война парализовала элиту. Многие руководители, выдвинувшиеся на командные высоты в результате «чисток» и репрессий, не смогли действовать самостоятельно и эффективно. Они годились для стабилизации уже утвердившегося режима, но не для того, чтобы мобильно реагировать на вызовы непредсказуемого военного времени. Ситуативная динамика Великой Отечественной требовала не «слепого» и «упёртого» соблюдения иерархического принципа, а гибкого сочетания «жёсткой» вертикали с элементами адресного стимулирования результатов труда или научно-технической конкуренции конструкторских бюро. Единая инфраструктура фронта и тыла нуждалась в качественно новом понимании ответственности, основанной на единстве планового начала и автономного принятия решений в строго фиксиро-

ванных пределах компетенции. Управленческая модель, созданная к концу 1930-х гг., сильно не дотягивала до требуемого уровня «менеджмента». Жизнь заставила овладеть подобными организационными технологиями (о многих из которых до войны страшно было и подумать – по вполне понятным соображениям) в рекордно короткие сроки.

Для самого Сталина, наблюдавшего страшную катастрофу первых месяцев войны, особое значение приобрели слова Кромвеля, отчёркнутые им в своё время на полях лекций по военному искусству историка Н. М. Лукина (репрессированного накануне войны):

если вы не хотите терпеть дальнейших поражений, вербуйте на свою сторону тех, для кого борьба за Парламент будет их личным делом.

Критерием назначений на высшие командные должности стал профессионализм, хотя ещё совсем недавно политическая благонадёжность ценилась гораздо выше.

Однако представители элиты, не сумевшие работать по-новому, никуда не исчезли. Они просто отодвинулись на второй план, стали выполнять роль соглядатаев при людях самостоятельных и способных. Режим в условиях войны предпочёл фискальные функции карательным. Ему не оставалось ничего другого, как на время приспособиться, отойти в сторону, дать народу развернуться во всю мощь. Затем проэксплуатировать эту мощь, чтобы на исходе войны выдавить всех лишних из непомерно разросшегося пространства власти. Такая задача отвечала интересам как элиты, так и носителя власти. Пока они

были заодно. Хотя уже во время войны стала очевидной зыбкость подобного «альянса».

«Осень патриарха»:

генералиссимус «вспоминает» о домене

Накануне Великой Отечественной концентрация власти вождя достигла невиданного в прежней советской действительности уровня. Он возглавил Совнарком, соединив в своих руках руководство партийной и государственной вертикалями. В политической системе того времени подобная конфигурация пространства власти означала обретение максимально возможного легитимного и фактического господства.

Но уже вскоре после Великой Победы «личный режим» Сталина начал испытывать определённое сопротивление. Казалось бы, буквально обожественный генералиссимус был вознесён на недостижимую высоту. Однако характер одержанной Победы и фантастическая мобилизация в годы войны неизбежно способствовали как иному самоощущению народа, чьими руками вождь раздавил фашизм, так и усилению элиты.

Наведение «порядка» в пространстве власти Сталин начал с народа. В июне 1945 г. на приёме в Кремле участников Парада Победы Сталин назвал народ-победитель «винтиками» «великого государственного механизма». Проницательные слушатели восприняли высказывание вождя не как упражнение в стилистике, а как определённый сдвиг в государственной политике.

На новое статусное качество верхушки армии, непосредственно причастной к разгрому врага, Сталин отреагировал «делом авиаторов» и опалой Г.К. Жукова.

Гораздо сложнее было найти верный стиль взаимоотношений с органами госбезопасности. Как и до войны, осуществляя всеохватывающий контроль и проводя различные «спецмероприятия», они продолжали играть ключевую роль в обеспечении эффективного функционирования сталинского «личного режима». Вождь осознавал свою фактическую зависимость от этой «преторианской гвардии» и поэтому устраивал ей периодические «встряски».

После того, как Сталин возглавил Совнарком, туда же из Политбюро переместился и центр принятия управленческих решений. Партийный аппарат, благодаря которому Сталин обрёл единовластие, в сложившейся ситуации утрачивал своё прежнее значение и более не требовался вождю в качестве домена.

Однако после войны, когда генералиссимус оказался вынужденным систематически «ставить на место» различные группировки элиты и их лидеров, он «вспомнил» о домене и вновь обратился именно к партийным рычагам управления. Совнарком (Совмин), объединявший ведомства, а, следовательно, и стоявшие за ними административно-хозяйственные и силовые кланы, в принципе не мог быть доменом. У Сталина не оставалось другой альтернативы, кроме обращения к партийному аппарату.

Попытка вождя повторить опыт двадцатилетней давности и укрепить собственную власть с помощью руководящих структур ВКП (б) была им предприня-

та в тесной взаимосвязи с решением ещё одной задачи принципиальной важности – подготовкой наследника. И своего первого кандидата в преемники – А.А. Жданова – Сталин стал возводить именно по партийной вертикали.

Однако, следуя отработанной на протяжении многих лет управленческой практике, Сталин не захотел чрезмерно усиливать вероятного преемника и начал «уравновешивать» его Г.М. Маленковым. Характерно, что это возвышение Маленкова также пошло по партийной линии – после непродолжительного перерыва он снова стал секретарём ЦК. Когда А.А. Жданов неожиданно скончался, его сторонники были ликвидированы в ходе инспирированного Г.М. Маленковым и Л.П. Берией дела ленинградской «антипартийной группы».

Теперь Сталину пришлось «уравновешивать» уже их, и он опять использовал именно партийный противовес. На руководство московской парторганизацией был поставлен переведённый из Украины Н.С. Хрущёв. Уловив новый крен в политике «хозяина», Маленков поторопился зарекомендовать себя и на поприще «реставрации» сталинского партийного домена. Вместе с главой Комиссии партконтроля М.Ф. Шкирятовым он реализовал замысел Сталина об усилении непосредственного вмешательства партаппарата в проведение следственных действий, создав знаменитую «особую тюрьму». В недрах этой тюрьмы в результате увязывания друг с другом всех знаковых дел («врачей-вредителей», «террористов» в МГБ, «ленинградского» и Еврейского антифашистского комитета) и возникла цельная и стройная кар-

тина масштабного заговора. Раскручиваемое параллельно «менгрельское дело» должно было ударить по Берии. Сталин готовил новую «великую чистку», для которой требовалось соответствующее информационно-идеологическое обеспечение.

Вождь выступил против высшей номенклатуры, задействовав весь силовой ресурс собственного домена. Осенью 1952 г. на XIX съезде КПСС и последовавшем за ним Пленуме ЦК он начал кардинальное обновление партийной верхушки. Сталин подверг резкой публичной критике своё ближайшее окружение, подготавливая общественное мнение к серьёзным кадровым перестановкам на всех уровнях. Однако его смерть помешала осуществлению второй «великой чистки».

Перемены в пространстве власти диктовались и своеобразным пониманием общих перспектив страны. По замыслу вождя, создаваемая в течение тридцати лет система должна была обрести окончательный облик – «дорости» до такого уровня, который позволил бы перейти к регулированию абсолютно всех социально-экономических процессов в СССР, заменить рынок и торговлю продуктообменом и распределением, осуществить переход к коммуне как новому и единому типу общественно-производственных отношений.

С подобной трансформацией Сталин отождествлял не только крупный шаг к коммунизму, но и окончательное уничтожение почвы для капитализма и «неонэпа». С новыми перспективами связывался и решающий удар по корыстным интересам высшего чиновничества, должностным материальным выго-

дам, неисчезающей коррупции (именно по этим причинам ротация кадров достигла 20–22%), системе «кормления» на разных уровнях партийно-советского аппарата.

Достижение искомого идеала предполагало новые репрессии.

Ленинско-сталинская мобилизация ликвидировала порождённую старым режимом модернизации конфликтную напряжённость внутри пространства власти. Благодаря этому новая власть, сконцентрировавшись, обеспечила эффективное разворачивание масштабного мобилизационного проекта. Человеческая цена такого проекта оказалась чрезвычайно высокой. Власть стремилась в кратчайшие сроки сделать страну жизнеспособной, готовой выстоять перед новыми внешними угрозами, которые возникали из геополитической неустойчивости итогов Первой мировой войны. После предельного напряжения всех сил и ресурсов в годы Великой Отечественной войны мобилизационный рывок стал неизбежно «остывать». Данной ситуацией, как и в минувшие эпохи, незамедлительно воспользовалась элита. На протяжении последнего полувека нашей истории она поддерживала благоприятный для себя режим стагнации, который привёл в начале 1990-х гг. к концу советской государственности.

ХII. Режим номенклатурной стагнации: вехи деградации власти

Установление господства партийной олигархии

Колебания Сталина от практически полного игнорирования партийного аппарата в годы войны до очевидного стремления именно с его помощью пресечь поползновения элиты пристроиться к власти и предопределили основное содержание борьбы за наследство вождя.

Избежавшая новой «великой чистки» старая элита была заинтересована в сосредоточении власти в Совмине и структурах центрального управления. КПСС при таком раскладе превращалась всего лишь в держателя кадрового ресурса и своеобразную инстанцию, передающую во вне те или иные знаковые тенденции руководства страны.

В этом смысле было весьма характерным поспешное «исправление» предпринятых осенью 1952 г. кадровых изменений в верхушке КПСС. Партии в новой архитектуре пространства власти отводилась однозначно подчинённая роль. Наиболее влиятельный тандем Маленкова–Берии сохранил за собой ключевые государственные должности Председателя Совмина и его первого заместителя, а также главы нового МВД, поглотившего старое МГБ. При этом

уже в марте 1953 г. на Пленуме ЦК Маленков демонстративно сложил с себя полномочия секретаря ЦК. Маленков с Берией стали последовательно разъединять функции государственного управления и партийную деятельность.

В сложившейся ситуации новая элита, сосредоточенная в ЦК, могла использовать в своих интересах лишь партийный ресурс. Её лидером автоматически становился Хрущёв – единственный из ближайшего сталинского окружения не получивший после смерти вождя государственной должности. Хрущёв нанёс упреждающий удар по враждебной группировке, нейтрализовав её наиболее уязвимое звено – Берию. Берия не обладал поддержкой в аппарате ЦК, а его ведомственная база в Совмине была при всей её значимости достаточно узкой. Неустойчивым из-за насильственного объединения разных кланов силовиков в рамках одной структуры оказалось и его министерское кресло. Наконец, негативный имидж Берии как одного из ключевых организаторов репрессий и очевидное желание Маленкова избавиться от своего опасного и непредсказуемого «партнёра» предопределили успех Хрущёва.

Вскоре после устранения Берии произошла важная коррекция расстановки сил в пространстве власти. Через дискредитацию связанной с именем Берии политики разграничения партийной и государственной сфер ЦК концентрировал всю полноту власти в собственных руках, провозгласив возвращение к принципу «коллективного руководства». Ставка Хрущёва исключительно на партийный аппарат оправдала себя. После избрания Первым секретарём ЦК он стал

полностью контролировать Секретариат, противопоставляя его Президиуму ЦК, объединявшему ведущих государственных деятелей. Убедительным доказательством концентрации властного суверенитета в ЦК явилось смещение Маленкова с должности главы Совмина после устроенной ему Хрущёвым обструкции в начале 1955 г.

Однако даже при той исключительной роли, какую стал играть ЦК, конфликт домена и элиты по-прежнему оставался неразрешённым. Он просто был перенесён внутрь ЦК. Именно там происходила теперь борьба двух подходов к технологии властвования.

Хрущёв, опираясь на Секретариат и поддержку большинства членов ЦК, пытался выстроить систему, при которой КПСС через собственный аппарат управляла бы страной, а государственные органы исполняли бы при этом исключительно технические функции.

Иную позицию отстаивали состоявшие в Президиуме ЦК ключевые министры и руководители центральных ведомств. Они, по сути, предлагали вернуться к схеме Берии (правда, в смягчённом варианте), когда реальная власть принадлежит государственным органам, а партия играет при них вспомогательную роль.

Летом 1957 г. члены Президиума попытались кулуарно, втайне от ЦК, снять Хрущёва. Однако аппарат ЦК сумел стремительно созвать Пленум, на котором объявленные «антипартийной группой» противники Хрущёва потерпели сокрушительное поражение.

На июньском 1957 г. Пленуме окончательно сложился режим, просуществовавший в СССР вплоть до его распада. Пространство власти монополизировала элита, «вросшая» в домен через структуру ЦК (см. рисунок 12). ЦК стал той «печью», в которой полным ходом пошла «переплавка» элиты и домена в некий качественно новый субъект – партийную номенклатуру. Носитель власти попадал в достаточно жёсткую зависимость от этого субъекта.

Пространство власти в эпоху «подконтрольных» вождей

Сталинская система, как и любая «жёсткая» идеократия, в принципе не подлежала модернизационному реформированию. Отказ от практики репрессий не менял её мобилизационного существа. Вместе с тем нараставшие темпы «выплавки» новой номенклатуры свидетельствовали, по крайней мере, о двух существенных новациях.

Во-первых, КПСС перестала быть собственно доменом носителя власти, который, тем не менее, продолжал оставаться именно партийным лидером. Складывалась парадоксальная ситуация, вынуждавшая руководителей КПСС в случае надобности искать любые иные домены, кроме своей родной партии. Правда, после Сталина никто из советских лидеров и не испытывал такой потребности. Сказывались как отсутствие мобилизации, так и принципиальная невозможность «обуздать» всеильную номенклатуру каким бы то ни было доменом.

Во-вторых, оказавшись главным субъектом пространства власти, номенклатура обрела практически абсолютную «свободу рук» в обустройстве модернизационной среды. Как и в самодержавной России, в Советском Союзе так и не было выработано реальной альтернативы модернизационной модели развития. И произошло это по той же самой причине: из-за отсутствия в пространстве власти способного к мобилизации субъекта и, прежде всего, носителя власти.

«Подконтрольные» номенклатуре вожди неизбежно становились заложниками собственного положения. Весьма показательна дальнейшая судьба самого Хрущёва. Учреждённые им совнархозы разрывали отлаженные десятилетиями управленческие вертикали, причём как административно-хозяйственные, так и собственно партийные. Расширившие свои полномочия местные хозяйственные руководители обретали относительную самостоятельность от обкомов. Естественно, такое положение вызывало резкое недовольство партийной номенклатуры.

Когда же в 1958 г. Хрущёв возглавил Совмин, она и подавно стала испытывать неуверенность. Функционеры от КПСС перестали быть единственной опорой Хрущёва и опасались, что их лидер захочет отобрать назад гарантированный им прежде суверенитет. Подобные предчувствия оправдались: принятый на XXII съезде новый Устав КПСС угрожал партийным чиновникам обязательной периодической ротацией руководящих органов всех уровней. Наконец, создание в виде системы партийно-государственного контроля новой бюрократической структуры, дублировавшей одновременно партийную, советскую и

совминовскую вертикали, нарушало сложившиеся сферы влияния. В такой ситуации партийная верхушка сделала всё, чтобы избавиться от своего лидера.

Режим Л.И. Брежнева – апогей господства партийной номенклатуры. Носитель власти не только не сопротивлялся собственному обволакиванию со стороны элиты, но, напротив, всячески ему способствовал, выступая гарантом незыблемости принципа «партийного руководства».

Этот принцип явился оптимальной легитимацией несколько отрегулированной после отставки Хрущёва архитектуры пространства власти. Зависимый от партийной номенклатуры лидер КПСС сохранял все видимые атрибуты верховного суверенитета. Элита, представлявшая собой конгломерат конкурировавших между собой группировок, нуждалась в арбитраже и, следовательно, сама была непосредственно заинтересована в обозначении определённой знаковой дистанции между собой и Генеральным секретарём. Руководящие партийно-государственные структуры – ЦК, Совмин, Госплан – становились центрами согласования интересов номенклатурных группировок.

Данная ситуация очень напоминала «недовыбор» эпохи нэпа. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что для повторения «недовыбора» отсутствовало самое главное условие – реальная развилка между мобилизационным и модернизационным сценариями. «Плацдармы» возможной мобилизации – наукоёмкие отрасли экономики – имели лишь косвенное, опосредованное отношение к пространству власти и полностью контролировались номенклатурой, заинтересованной лишь в обустрой-

стве модернизационной среды в виде «теневой экономики» и её смысловых атрибутов (см. рисунок 13).

Номенклатурный контроль «теневой экономики»

Главная цель элиты заключалась в отыскании максимально возможных в рамках существующей политической системы способов преодоления сохраняющегося отчуждения от собственности. То есть на повестку дня ставилась задача построения «непрозрачной» или «теневой» экономики. (Понятие «теневая экономика» нуждается, таким образом, в более расширительном, нежели на обыденном уровне, понимании.)

Управление материальными ресурсами на правах менеджера уже давно не устраивало элиту. Правда, в условиях жёсткого сталинского режима номенклатурные привилегии ещё как-то удовлетворяли интересы функционеров. Более того, для хозяйственных руководителей привилегии даже сокращали разрыв между статусами менеджера и собственника. Подобная ситуация сказывалась и на влиятельности хозяйственного звена номенклатуры.

После смерти Сталина и отставки непредсказуемого Хрущёва элита получила реальный шанс существенно приблизиться к своей цели. Привнесение во второй половине 1960-х гг. в практику хозяйствования элементов рынка под вывеской «хозрасчёта» усиливало позиции как директорского корпуса, непосредственно руководящего производством, так и управляющих этим корпусом отраслевых ведомств.

Партийный аппарат оказывался отодвинутым от этой «хозрасчётной» вертикали, хотя за ним и оставалось монопольное право определения приоритетов хозяйственной политики.

При таком раскладе всё более явственными становились два конфликтных очага. Во-первых, между партийным аппаратом и «хозрасчётной» вертикалью. Во-вторых, внутри самой «хозрасчётной» вертикали, где неизбежно сталкивались интересы министерств и директорского корпуса.

В результате масштабной перегруппировки сил элита оказалась разделённой на два лагеря – ведомственный и территориальный. В первый лагерь вошло верхнее звено управленцев из центральных ведомств. Во второй – директорский корпус, объединившийся с обкомовской номенклатурой. Центральный партийный аппарат стремился удержаться «над схваткой», играя на противоречиях между обоими лагерями.

Территориальные управленцы держали производство в своих руках. Поэтому для них не составляло особого труда обеспечить эффективное функционирование «теневой» составляющей своей экономической деятельности. У ведомственных функционеров таких возможностей не было, и им приходилось довольствоваться лишь бюрократическим рэкетом. Находившемуся на вершине властной пирамиды центральному аппарату КПСС становилось всё сложнее контролировать «теневые» финансовые потоки, протекавшие несколькими этажами ниже.

Раздираемая внутренними противоречиями элита утрачивала возможность исполнять роль властвующего субъекта. Ей требовалась внешняя сила, спо-

собная навести порядок и – главное – начать рыночные преобразования, в результате которых появилась бы возможность легализовать «теневую экономику».

Несостоявшаяся мобилизация

Смена руководства оказалась удобным моментом, чтобы начать движение в данном направлении. Ю.В. Андропов получил от номенклатуры своеобразный карт-бланш: определённую свободу действий ради наведения порядка и вхождения в рынок. Андропов понимал, что перед ним открывается уникальный шанс: с санкции самой элиты укрепить свою власть, а при удачном стечении обстоятельств – вернуть ей то монопольное положение, каким она обладала до Хрущёва.

Андропов действовал стремительно, дабы упредить консолидацию номенклатуры против таких шагов. Он оказал на неё мощное, напомилавшее сталинский стиль работы с кадрами давление. Генсек наглядно продемонстрировал, что способен когда угодно лишить какого угодно функционера возможности использовать государственную собственность в своих интересах. Номенклатура оказалась вынужденной отступить и, по крайней мере, внешне признать верховенство нового руководителя.

Андропов знал, что в нашей стране традиционно власть становится неуязвимой по мере разворачивания ею мобилизационного проекта. А элита усиливается, напротив, в процессе модернизации. Чтобы вывести Советский Союз из застоя, укрепить свою власть и «придавить» номенклатуру, он стал гото-

вить мобилизационный рывок, нацеленный на вхождение в постиндустриальную стадию развития на основе высоких технологий и наукоёмкого производства. Именно тогда и появилось понятие «ускорения», вновь взятое на вооружение уже М. С. Горбачёвым.

Вместе с тем Андропов не исключал и определённого – строго дозированного – использования рыночных механизмов в управлении экономикой, правда, лишь на уровне трудового коллектива. По сути, речь шла о повторении результативного нэповского опыта на фоне мобилизационного рывка первых лет Советской власти.

За считанные месяцы Андропову удалось восстановить монопольное господство партийного лидера в пространстве власти и «поставить на место» элиту. Он «наступал» на неё на протяжении всего своего непродолжительного правления, поэтому у него и не возникало потребности обустроивать собственный домен на случай каких-либо непредвиденных обстоятельств. Да и потом как бы само собою подразумевалось, что роль такого домена играют органы госбезопасности, которыми Андропов руководил в течение полутора десятилетий.

«Генеральный лоббист»

Горбачёв же с самого начала пребывания у власти оказался в совершенно иной ситуации. Над ним заметно довлело его аппаратное прошлое, когда он, курировавший сельское хозяйство секретарь ЦК, активно лоббировал интересы территориальной номенклатуры, распоряжавшейся на «теневом рынке».

А предвзятое отношение к бывшему конкуренту – ведомственной бюрократии – вообще стало характерной стилевой особенностью его правления.

Придя к власти, Горбачёв стал проводить заложенный Андроповым курс на «ускорение». Однако «ускорение» в исполнении Горбачёва несло на себе очевидный антиведомственный отпечаток. Объяснялось это тем, что, в отличие от индустриализации 1930-х гг., проведённой за счёт «перекачки» средств из деревни, импульсом «ускорения» должно было стать повышение эффективности производства путём совершенствования механизма управления. Санкционированной тогда же «гласности» была дана команда обличать чиновничий бюрократизм как породившее застой явление.

После соответствующей подготовки Горбачёв выступил с идеей укрупнения ведомств. Очевидно, что любые перестановки «наверху» неминуемо ослабили бы действующую отраслевую вертикаль управления. В результате в выигрыше оказалась бы территориальная номенклатура, освобождённая от опеки центральных органов.

Одновременно вынашивалась идея переноса основных управленческих функций из центра в регионы. Перед советской экономикой замаячили призраки хрущёвских совнархозов. Агропром стал практическим воплощением этих начинаний. Система РАПО (районных агропромышленных объединений) напрямую работала на интересы местных управленцев. Более того, Горбачёв даже вынашивал идею о передаче РАПО некоторых полномочий райкомов партии. Генеральный секретарь продолжал лоббировать

интересы региональных хозяйственников, являвшихся, по его словам, «золотым фондом наших кадров». Отношение Горбачёва к ведомственному и территориальному лагерям выглядело диаметрально противоположным.

Действия Генерального секретаря существенно ослабляли влияние и партийных функционеров. В начале 1987 г. состоялся Пленум, посвящённый кадровой политике КПСС. Его результаты оказались просто революционными. По сути, решалась проблема не горбачёвской «команды», а базовых основ самой политической системы и принципов её функционирования. Было провозглашено намерение заменить практиковавшийся десятилетиями номенклатурный принцип назначения на руководящие партийные должности прямыми и альтернативными выборами – от первичной и до областной и республиканской организаций. Над партийной бюрократией нависала угроза кадровой «чистки» путём альтернативных выборов. Решение о возрождении уже, казалось бы, забытого форума – конференции – также не предвещало аппарату КПСС ничего хорошего. Его худшие опасения оправдались сполна – XIX конференция провозгласила курс на «реанимацию» вертикали Советов. Сам же партийный аппарат после передачи части своих функций Советам подлежал сокращению.

Состоявшаяся летом 1988 г. конференция ознаменовала окончательный отказ Горбачёва следовать в фарватере андроповской модели «ускорения», противоречившей в своём изначальном, сугубо технологическом смысле замыслу горбачёвской «пере-

стройки». Стало очевидным однозначное стремление Генерального секретаря провести масштабное преобразование всего режима.

Именно политическая реформа стала доминантой в комплексе задач трансформации советской системы. Совершенствование хозяйственного механизма теперь рассматривалось как неотъемлемый элемент общего процесса демократизации. Тем более, что экономические преобразования на начальном этапе «перестройки» рассматривались как перенесение центра тяжести в принятии конкретных решений на уровень предприятия, с одной стороны, и как демократизация внутрипроизводственного управления (включая выборность менеджмента) – с другой.

Ослабление централизованной и отлаженной системы назначений и контроля (а на её место не пришли рыночные стабилизаторы и ограничители, ибо для выстраивания подобной инфраструктуры требуется значительное время) привело к неуправляемости экономических и политических (обустройство общественного сегмента модернизационной среды) процессов. В такой обстановке началась эпоха съездов народных депутатов, Горбачёв занял высший государственный пост Президента. Тогда же была отменена шестая статья союзной Конституции, и партия оказалась «вне игры».

Горбачёв последовательно продолжал лоббировать интересы местных функционеров. На XIX конференции специальной резолюцией оговаривалась возможность «перехода республик и регионов на принципы хозрасчёта». Это была очередная «чёрная метка» центральным министерствам и ведомствам,

а в перспективе – и всей союзной государственности. Принятый тогда же Закон «О кооперации» положил начало легализации «теневого» бизнеса региональных элит. Г. Киссинджер впоследствии отмечал:

«К 1990 году централизованное планирование окончательно заостенело, и многочисленные бюрократические организации, созданные для контроля над всеми аспектами жизни граждан, стали вместо этого, наоборот, заключать “пакты о ненападении” как раз с теми, кого они, казалось бы, должны были контролировать. Первостепенной задачей бюрократии стало самосохранение. Попытка Горбачёва высвободить инициативу подорвала систему, а затем и “разбросала её по кирпичикам”».

Политической аранжировкой этого процесса стала дезинтеграционная деятельность республиканских съездов народных депутатов и формировавшихся ими органов власти. Суверенитет первого Президента СССР таял буквально на глазах. Опекаемая им территориальная номенклатура запускала маховик развала союзного государства, которое мешало удовлетворению её материальных интересов. В рамках действующего союзного правового поля ситуация оказалась безвыходной. Данное обстоятельство подтолкнуло часть политического руководства Союза ССР на принятие чрезвычайных мер, вылившихся в попытку государственного переворота.

Пространство власти на «качелях» выбора

Обрушение советской государственности в охватившем страну после Августа 1991 г. хаосе не просто оказалось на руку элите, но и было ею же самой инспирировано. За послевоенные десятилетия номенклатуре удалось добиться монопольного господства в пространстве власти. Однако её влияние определялась исключительно статусно-должностным положением. Она оставалась существенно ограниченной в возможностях личного обогащения. Контроль «теневого экономики», т. е. номенклатурный рэкет, не решал этой проблемы в силу своей нелегитимности. К получению сверхприбылей вёл один единственный путь – через официальное и открытое вхождение в рынок. Такое вхождение, естественно, было невозможным без смены политического режима.

Поэтому, подобно боярству, раскрутившему Смуту в начале XVII в. ради своих сугубо корпоративных интересов, номенклатура на исходе XX в. принялась разрушать советское государство. А при том положении в пространстве власти, каким она обладала, её консолидированная деструктивная сила, разукрашенная адресованной народу демократической риторикой, была попросту обречена на успех (см. рисунок 14).

Новая российская государственность предоставила элите возможность легитимным путём конвертировать свою власть в собственность. Это конверти-

рование – «номенклатурную приватизацию» – обеспечивал и гарантировал непосредственно сам носитель власти: его ресурс теперь уже значительно уступал фактическому суверенитету элиты. У первого Президента России Б.Н. Ельцина были все шансы стать марионеткой в руках его вчерашних номенклатурных подчинённых, преуспевших на ниве приватизации.

Однако Ельцину удалось не только отстоять собственный суверенитет, но и обеспечить максимально возможную в этих непростых условиях концентрацию власти. Он сохранил за собой роль монопольного легитимного субъекта власти и тем самым уберёт ещё не окрепшую российскую государственность от повторения ею судьбы СССР. Если Горбачёв последовательно распял свой суверенитет, сдавая номенклатуре позицию за позицией, то Ельцин совершил обратное – усилился за счёт целенаправленного ослабления элиты, которая привела его в Кремль на место первого Президента Советского Союза.

После примерно двухмесячных колебаний, в октябре 1991 г., на V съезде народных депутатов РСФСР Ельцин заявил о своей приверженности не политике стабилизации при помощи внеэкономических инструментов, а курсу на быстрое проведение рыночных реформ, перевод страны в качественно новую ситуацию, сопровождающуюся, прежде всего, существенным скачком цен в момент их либерализации. Взрывоопасность ситуации уравнивалась высоким уровнем популярности Ельцина, дезорганизацией консервативных «групп давления», социальной «усталостью» населения.

Ельцин тонко понял и обратил себе на пользу сложную и запутанную ситуацию, порождённую обвальным вхождением страны в рыночную стихию. В условиях ускоренной и проводимой «сверху» директивной приватизации лишь вчерашние функционеры могли обрести права собственности. Вместе с тем их формально-структурное проникновение в публичную политику и во власть было крайне затруднено колоссальными социальными издержками «ударного» строительства рыночной экономики.

Если прежде номенклатура являлась официальным и легитимным субъектом властвования и одновременно «теневым» предпринимателем, то теперь ситуация стала обратной. Превратившись в легитимного (по крайней мере, с формально-правовой точки зрения) собственника, она сохранила за собой лишь «теневые» возможности воздействия на политический процесс.

Именно поэтому после ускоренного вхождения в рынок элита взяла курс на форсированное возведение гражданского общества с его отработанными на протяжении многих веков технологиями контроля за властью со стороны собственников через систему демократических институтов. Подобные технологии позволили бы ей окончательно превратить носителя власти в инструмент своего господства.

Ельцин прекрасно осознавал, какая угроза его (и без того ослабленной) власти таится за всей этой либерально-демократической риторикой реформаторов. У него оставался единственный путь: активно употребляя реформаторскую фразеологию, изо всех сил препятствовать фактической модернизации политической системы.

Элита всё ещё продолжала нуждаться в Ельцине как своеобразном знамени проводимых ею преобразований. По-прежнему мощная народная поддержка гарантировала незаменимость Президента. Будучи востребованным как «верхами», так и «низами», он лавировал в узком фарватере между популизмом и рынком.

Однако к середине 1992 г. обозначились признаки преодоления слепопутчевой дезорганизации и деморализации в среде постсоветских «партий интересов». Президент оказался вынужденным прибегать к позиционному маневрированию, компромиссам и лавированию ради раскола оппозиции, образовавшей мощный и хорошо организованный инфляционистский блок, включавший в себя разнообразные группировки и имевший сильные позиции и в производственной сфере, и среди законодателей, и в СМИ. Уровень инфляции после либерализации цен становился не столько экономическим, сколько интегральным политическим показателем, характеризовавшим устойчивость правительственной команды реформаторов, состояние политического климата в России и перспективы реализации рыночных реформ данного типа.

Инфляционисты в своих требованиях отстаивали некое подобие мобилизационного варианта стабилизации и выхода из кризиса – финансовые вливания в народное хозяйство с целью поддержки неконкурентноспособных предприятий (накачка «дешёвыми деньгами»), усиление управляемости посредством восстановления властных полномочий Центра, ужесточение контроля за экспортно-импортной деятель-

ностью, протекционизм. Антиинфляционисты, т. е. сторонники модернизационного курса, официально избранного в конце 1991 г., настаивали на продолжении либерализации хозяйственной деятельности, жёсткой финансово-кредитной политике, последовательной приватизации. Очевидно, что эти разные стратегические проекты предполагали не только отличающиеся друг от друга экономические системы, но и взаимоисключающие политические режимы.

Конституционно-политический кризис 1993 г. стал кульминацией противостояния инфляционистов и антиинфляционистов, а для Ельцина – серьёзным испытанием. «Двоевластие» исполнительной и законодательной ветвей, причём повсеместно, «сверху донизу», невозможно было преодолеть легитимным путём – как в рамках действовавшей на тот момент Конституции, так и через предполагавшееся принятие нового Основного закона после летнего Конституционного совещания. Президентский проект Конституции имел шансы пройти исключительно вопреки Верховному Совету и съезду, парламентский же проект – только вопреки Президенту.

В сложившейся ситуации Указ №1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» предлагал оптимальный для страны выход. В ответ противники Ельцина лишь усилили конфронтацию. Уступки Президента означали бы катастрофическое нарастание нестабильности. У «разношёрстного» парламента попросту не хватило бы воли, опыта и чутья, чтобы сберечь и упрочить незначительные, но всё-таки очевидные ельцинские успехи в деле укрепления государственности. При-

нятие предлагавшегося так называемой «третьей силой» – региональными элитами – «нулевого варианта» (одновременная отмена Указа №1400, а также вызванных им решений съезда и Верховного Совета) угрожало территориальной целостности России. Регионализация, развернувшаяся в 1991 г., имела чётко выраженный сепаратистский оттенок и подстёгивалась, с одной стороны, экономическим кризисом, с другой – острой политической борьбой сначала в СССР, а затем и в РФ. В 1993 г. была провозглашена Уральская республика, состоялось подписание «Сибирского соглашения», оформилась идея создания на Дону казачьей национально-государственной автономии.

Силовая развязка – трагическое решение этого непростого конфликта. Принятая вскоре на референдуме новая Конституция обеспечивала легитимацию президентского монополизма через распределение полномочий между ветвями власти, а также Центром и субъектами федерации.

Оправданной оказалась сформированная ещё в период противостояния с Горбачёвым установка Ельцина на внепартийный характер лидерства. Вплоть до отставки в конце 1999 г. он обеспечивал себе свободу манёвра благодаря именно не декларативной, а фактической внепартийности президентской власти.

Зная, что окружающая его элита представляет собой пёстрый и многослойный организм (в начале 1990-х гг. она вобрала в себя ещё и выходцев из интеллигенции и диссидентских кругов), Ельцин действовал по-разному. Кого-то можно было нейтрализовать, встроив во власть и, следовательно, лишив

самостоятельности. Других надлежало столкнуть друг с другом, запустив режим «управляемой конфронтации». Перед некоторыми же следовало отступить и даже поделиться с ними собственным суверенитетом.

Излюбленными технологическими приёмами Ельцина стали управление по тенденциям, перенос центра принятия управленческих решений в неформальные или не предназначенные для этого структуры, а также выстраивание системы персональных и институциональных сдержек и противовесов. Благодаря этим приёмам он лавировал между различными центрами сил и группами влияния, поддерживая и обеспечивая собственную востребованность и безальтернативность как Президента.

Однако Ельцину не удалось взять под контроль финансово-экономическую жизнь страны. В Государственной Думе преобладали инфляционисты, а в реальной экономике хозяйничали олигархи вкупе с породившим их коррумпированным чиновничеством. Президент так и не смог преодолеть это противоречие между своим номинальным, практически безраздельным политическим господством и фактическим экономическим безвластием. Это существенно ограничивало возможности Ельцина и усиливало его зависимость от контролировавшей финансовые потоки олигархии.

Олигархический, «периферийный» капитализм – опирающаяся на крупных собственников и представителей советских хозяйственников власть либерально-правых сил, части старой номенклатуры и новой бюрократии – стал «расплатой» за очередной

«недовыбор» между внятыми моделями модернизации и мобилизации.

Одержанная в 1996 г. благодаря мощной поддержке крупного бизнеса победа на президентских выборах оказалась для Ельцина Пирровой. Олигархия существенно ограничила его возможности маневрировать для поддержания полноты собственного суверенитета.

Победа на деньги олигархов обеспечивала на какое-то время неприкосновенность президентских конституционных полномочий, сохраняя их как «плацдарм» для возможного будущего мобилизационного рывка. Конечно, за это пришлось заплатить слишком дорогую цену, раздавая привилегии и ресурсы, закрывая глаза на беспредел «региональных баронов». Политическая нестабильность, продолжающийся конфликт между ветвями власти, хронический бюджетный дефицит и вызванный им рост внешних займов, обилие иностранцев на рынке государственных ценных бумаг, нехватка валютных резервов – всё это в августе 1998 г. породило дефолт.

Ельцину всё-таки удалось сохранить в неприкосновенности всю полноту президентского суверенитета и обеспечить в этих условиях эффективную ответственность власти.

На протяжении последнего полувека элита «выталкивала» нашу страну из мобилизации в модернизацию. События 1990-х гг., казалось бы, говорят о том, что она своего добилась – новая Россия, по крайней мере, на уровне официальной риторики признаёт ценности модернизации. Од-

нако не следует забывать, что подобные декларации произносились преимущественно тогда, когда страна находилась в состоянии тяжелейшего системного кризиса, и главная задача власти заключалась в том, чтобы сохранить собственное пространство и, следовательно, саму государственность. Ради решения этих сверхзадач власть шла на любые тактические компромиссы по всему спектру стоявших перед нею проблем. В настоящее время, когда наиболее опасные угрозы уже позади, как раз и наступает время принятия стратегических решений о выборе пути дальнейшего развития. И сегодня, как и четыре столетия назад, после Смуты, Россия вновь оказывается на развилке между модернизацией и мобилизацией.

Стратегическая развилка 2004 года. Вместо заключения

Очевидная задача действующего Президента – преодоление модели олигархического капитализма и, следовательно, восстановление полноты суверенитета носителя власти. Но во имя чего? Очередного «недовыбора»? Или лишь частичного исправления системы (ельцинский вариант, но без олигархов)? Не запустит ли В.В. Путин очередную неэффективную мобилизацию, которая неизбежно переродится в стагнационную модернизацию?

На рубеже XX–XXI вв. элита безраздельно контролировала пространство власти. К 2004 г. ситуация заметно изменилась. Нанесены серьёзные удары по олигархическому капитализму, в результате чего он так и не смог утвердиться в качестве безальтернативной системы. В свою очередь, и государственность, как и в 1930-е гг., быстро восстанавливается. Теперь можно уже не оглядываться на «упёртых» либералов, как, в своё время, на «правую» группу Бухарина, лоббировавшую нэповскую тенденцию развития. Можно, как и тогда, стать на путь замены «нэповского корпоративизма» «государственным корпоративизмом».

Но перспективы сегодняшней ситуации по-прежнему остаются неопределёнными. Либерально-рыночные ценности не девальвированы, сторонникам регу-

лирования также не отдано окончательного предпочтения, собственный политический ресурс Президента не принесён в жертву административному, и у него остаётся свобода манёвра.

Между тем, создание института президентских полпредов, первые шаги административной реформы, утрата Советом Федерации «парламентских» функций, результаты последних выборов в Государственную Думу свидетельствуют о том, что президентская администрация (уникальный в реалиях новой российской государственности вариант «коллективного», но персонифицированного носителя власти) набирает силу и развивается в направлении главного субъекта пространства власти.

«Кремлёвские инсталляции» фиксируют ситуационную расстановку сил внутри администрации. А «зазор» между такими «инсталляциями» и «вне-системными» политическими феноменами позволяет оценивать реальный суверенитет носителя власти. Своеобразная «лакмусовая бумажка» этого суверенитета – это февральско-мартовские дискуссии 2004 г., в которых предельно внятно и нарочито задиристо озвучены обе – модернизационная и мобилизационная – концепции.

Перспективы очередной попытки неэффективной мобилизации предугадать нетрудно. Подняться после мутации такой мобилизации в стагнационную модернизацию Россия уже никогда не сможет. Ей будет уготована участь «зоны», упоминание о которой сохранился лишь на нескольких страницах глобального каталога, где говорится о месторождениях нефти, газа, а также некоторых редкоземельных металлов.

Если же предпочтение будет отдано модернизации, то исход такого выбора также крайне непредсказуем. О какой вообще модернизации может идти речь в России XXI века? Понятное дело, что не о стагнационной. Тогда о какой? О классической западной, схематически изображённой на рисунке 1? Запад столетиями шлифовал эту модель, и если мы сейчас, как послушные ученики, примем с нуля возводить гражданское общество и либеральную государственность, то будем вынуждены пройти европейский путь, как минимум, с эпохи Возрождения, если не раньше. Запад же тем временем не только уйдёт ещё дальше, но и просто скроется за горизонтом, и перспектива нашей «каталогизации» как сырьевой «зоны» вновь окажется неизбежной.

Можно сколь угодно взвешивать достоинства и недостатки обоих сценариев. Однако лучше всё-таки отталкиваться от конкретной прагматики текущего момента. Сегодняшний российский капитализм способен развиваться лишь благодаря административному ресурсу, т. е. своеобразной «личной унии» с властными структурами. Равно как и бюрократия может благополучно существовать исключительно с помощью взимания «ренды» с бизнеса.

Реально ли порвать данный порочный круг и начать жить по правилам мирового «прозрачного» бизнеса? Предположим, что у нашей бизнес-элиты есть такое намерение. Но тогда ей придётся подстраивать себя под эти правила не только в сугубо правовом, но и мотивационном отношении. Современная глобальная экономика уже давно игнорирует государст-

венные границы, и сохранит ли интегрированная в неё российская буржуазия свою заинтересованность в России как самостоятельном субъекте? А как себя в этой ситуации поведёт «паразитирующее» на бизнесе чиновничество? Не станет ли Россия подразделением «коррупционного интернационала»? Подобные проблемы нередко возникают даже перед бизнес-элитами и государственными чиновниками высокоразвитых наукоёмких экономик. Что уж тут говорить о нашем слабом и сырьевом капитализме.

Однако и автаркия – не выход, особенно в условиях, когда стабильный национальный доход обеспечивается лишь сырьевым экспортом.

Искать выход в приоритетном развитии среднего и мелкого бизнеса? То есть три четверти века спустя сделать-таки «довыбор» в пользу «нового издания» нэпа? Но ведь не «челноки» и не фермеры, не производители одежды и даже не владельцы строительных компаний будут обеспечивать эффективный менеджмент шельфовых месторождений или космической отрасли.

Получается замкнутый круг. Лишь независимые от бюрократии (выходит, и от государства с властью) институты способны её «поставить на место». Таковыми независимыми институтами должны стать бизнес и гражданское общество. Однако в наших российских реалиях, к сожалению, подобные роли исполняют буржуазия и ангажированные СМИ.

Безусловно, поиск оптимальной формулы власти – процесс бесконечный. Уроки прошлого лишь указывают направление этого поиска, а также предостере-

гают от повторения ошибок, неоднократно совершённых властью в минувшие эпохи.

Сегодня весь мир говорит на «языке» модернизации. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы власть, вводя Россию в мировое сообщество, чётко различала необходимость соблюдения определённых и общепринятых для цивилизованных государств модернизационных «правил игры» и неизбежность самобытного пути развития для нашей страны. В конце концов, употребление английского языка в качестве международного отнюдь не лишает нас возможности говорить друг с другом по-русски.

Носитель власти должен оберегать полноту собственного суверенитета. Соблазн оптимизировать управление ценой делегирования части полномочий непосредственным исполнителям (персональным, сословно-корпоративным или структурно-институциональным) обманчив. Он приводит к обволакиванию носителя власти элитой.

Технология выстраивания системы сдержек и противовесов (опять-таки персональных, сословно-корпоративных или структурно-институциональных) эффективна только как тактическая мера, осуществляемая в течение ограниченного времени. Эта технология обеспечивает монополизм носителя власти лишь при невысоких темпах мобилизации. А так как её осуществление в таких темпах неизбежно стимулирует наращивание стагнационных тенденций, то подобное лавирование в принципе не может быть стратегической установкой, рассчитанной на сколько-либо длительную перспективу.

Домен может находиться как внутри, так и вне пространства власти. Главное – он не должен «срашиваться» с элитой. Когда домен тесно связан с народом, суверенитет носителя власти надёжно защищён. Этого-то как раз и не хватало нашей властной традиции на всём протяжении её существования.

Россия – яркий пример патримония, где политическое господство является закономерным продолжением отношений собственности, а носители власти выступают одновременно суверенами государства и его собственниками. Конечно, это определение выглядит абстрактной формулой. Однако такая формула многое даёт для понимания специфики нашего развития и осознания той данности, которую попросту невозможно ни переделать, ни игнорировать.

В 2004 г., действительно, может быть сделан выбор в пользу модернизационного или мобилизационного проекта развития. Заинтересованные субъекты пока ещё выжидают с предложением того или иного варианта. «Котировки» модернизаторов, разумеется, по-прежнему высоки, хотя и у лоббистов мобилизации есть определённые шансы.

России в одинаковой степени не нужны ни неэффективная мобилизация, ни стагнационная модернизация. Стране требуется некий «новый строй», в котором народ как главный производитель энергии развития должен будет, наконец, стать полноправным субъектом пространства власти. Это позволит замкнуть единый контур, консолидирующий данное пространство на основе комплексного управления

такой энергией – от выработки и до целеполагающего употребления. Данный контур станет не только надёжным сдерживающим фактором для элиты, но и предоставит ей возможность адекватно использовать свой потенциал в российском пространстве власти (см. рисунок 15).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Гражданское общество напоминает плоскую матрицу, в центре которой находится носитель власти, а вокруг него слоями последовательно расположены элита и народ. Поле парцелл, в которых обустраивается народ, стремится к расширению. Внешняя граница матрицы фиксирована, поэтому суммарное давление «разбухающих» парцелл сжимает элиту, в которой, в свою очередь, также протекает парцелляция. Самоорганизация общества в этом двухмерном пространстве неизбежно приводит к тому, что по мере продвижения от периферии к центру матрицы усиливается внутреннее давление, провоцирующее диффузное взаимопроникновение различных слоёв. Носитель власти, практически «растворённый» в элите, остается лишь «чистой» функцией. А вся «политическая драматургия» разворачивается на границе между «уплотняющейся» элитой и «сжимающим» её народом.

В отличие от плоской модернизационной матрицы, мобилизационную модель можно представить в виде пирамиды. Носитель власти здесь не только управляет потоками мобилизационной энергии, но и сам их вырабатывает. В этом заключается важная особенность режима идеократии. Подобно тому, как расщепление атомного ядра даёт колоссальный выброс энергии, «распаковывание» носителем власти целеполагающих смыслов обеспечивает «накал» мобилизации.

Народ в «пирамиде» не входит в пространство власти. Поэтому взаимоотношения между носителем власти и элитой разворачиваются без «подогрева» снизу. По мере «остывания» мобилизации и, следовательно, ослабления носителя власти элита превращается в монополярный субъект «пирамиды». Сопротивление «сверху» падает, а «снизу» его просто никогда не бывает. Разрастаясь, как на дрожжах, элита обволакивает носителя власти, замыкая на себя всё большее количество угасающих потоков его энергии.

Как только завершается «перекачка» энергии от носителя власти к элите, последняя, непомерно «разбухшая» и неспособная «переварить» собственное новое качество, начинает претерпевать серьёзные мутации. В её нижних слоях происходят «прободения», они выпадают из пространства власти, растворяясь в фундаменте «пирамиды». На верхних «этажах» элиты ещё продолжается стагнационное существование.

Некогда единое «тело» элиты расслаивается. В образующиеся «оползни» проваливается уже полностью выхолощенный сухой остов носителя власти. Затем рушится и вся «пирамида». Народ в наименьшей степени оказывается задетым данной катастрофой. Оказавшись погребённым под обломками пространства власти, он становится «строительным материалом» нового мобилизационного «ядерного взрыва», создающего носителя власти и элиту.

Нарушение Иваном Грозным «симфонии властей» делает мобилизацию неуправляемой. Пространство власти даёт крен в сторону явной теократии, никогда не имевшей прецедентов в России. Царь же, утрачивающий чувство реальности, продолжает наращивать интенсивность мобилизации на фоне усиливающихся (во многом из-за политики самого престола) эсхатологических настроений.

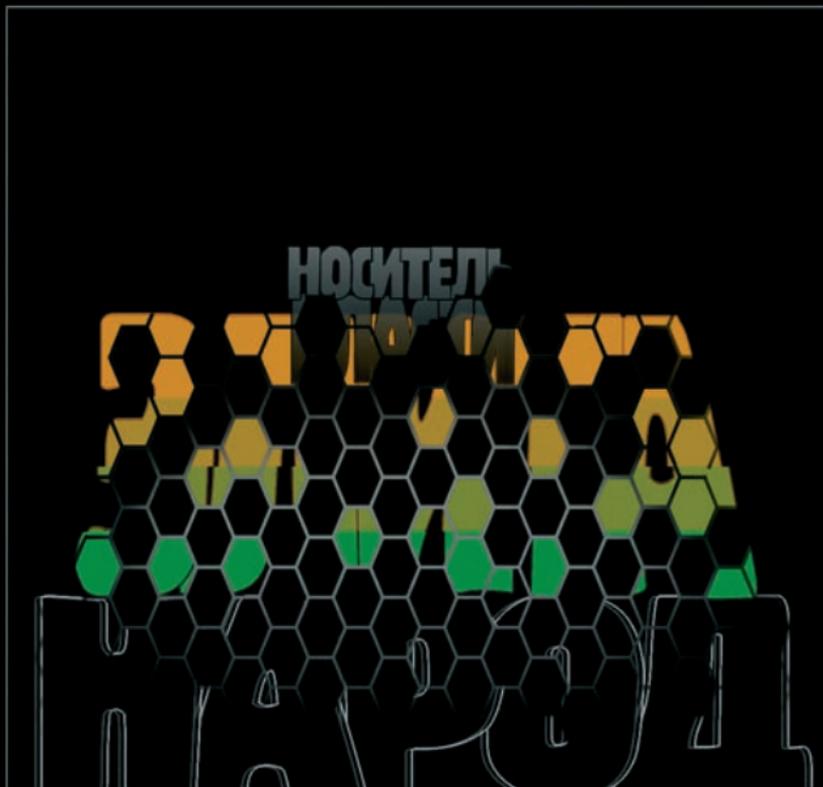
Мобилизация Ивана Грозного «сталкивается» с повсеместно утверждающимся ощущением уже наступившего Конца Света. Такой удар разрушает пространство власти. Оно оказывается раздавленным между чувством пришествия апокалиптических времён и народом, который, набрав, как и вся «пирамида», колоссальную «скорость» мобилизации, по инерции ударяет пространство власти снизу. На этой груде «обломков» государственности начинается Смута.

Мобилизационный сценарий Петра Великого изначально запрограммирован на неизбежную мутацию в сценарий модернизационный. В целях оптимизации управления Пётр стремится «накачать» госаппарат собственной энергией. Однако вместе с такой энергией неизбежно «перекачивается» и монарший суверенитет. Складываются серьёзные предпосылки для «растворения» носителя власти в верхних слоях элиты.

В отличие от плоского парцеллярного поля «матричного» гражданского общества, модернизационную среду в трёхмерной «пирамиде» можно представить в виде пространственных ячеек наподобие сот. Такие «соты» структурируют не только пространство власти (включая носителей власти), но и проникают «вниз», за его пределы, программируя определённым образом и «общественность».

«Выедая» государственность и «питаясь» лишь этой деструктивной энергией распада, модернизационная среда попросту разрушает саму себя, оставляя зияющие пустотой «соты».

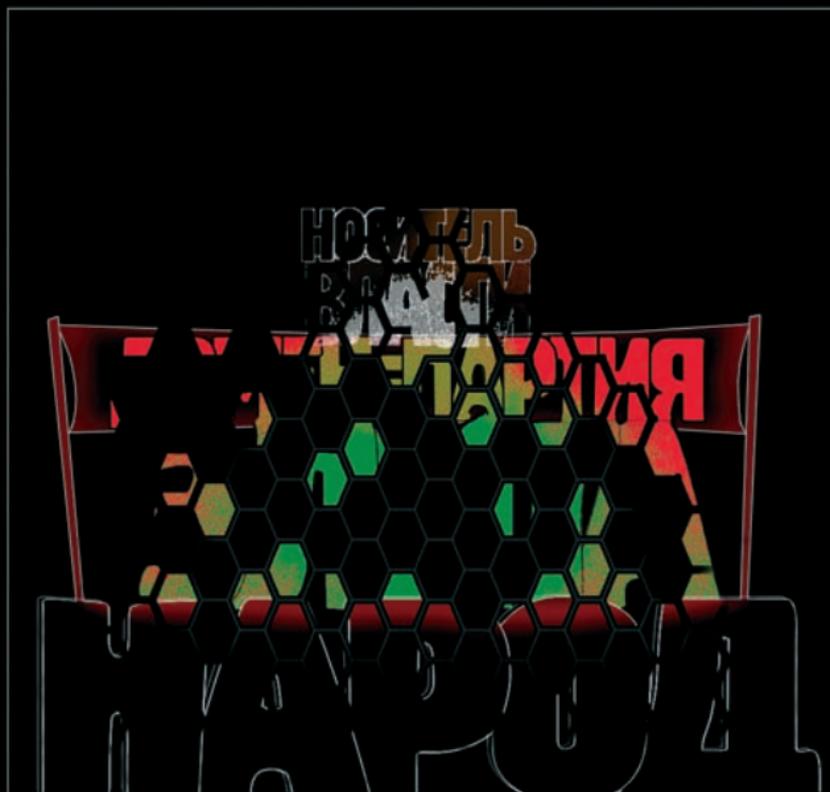
Включая в себя прослойку народа и собственно партийную номенклатуру, домен как бы даже сам обволакивает элиту, предотвращая тем самым её возможные «поползновения» опутать носителя власти.

«Врастание» элиты в домен способствует образованию более однородной (в смысле оформления собственных интересов) номенклатуры, становящейся главным субъектом распространения модернизационной среды.

«Сотовая» модернизация практически исключает возможность выведения существующего пространства власти в режим новой мобилизации.

Модернизационные «сотовые прободения» пространства власти наглядно демонстрируют сценарную идентичность гибели советского и самодержавного режимов (см. рисунок 10).

Включение народа в пространство власти принципиальным образом меняет расстановку сил внутри него и создаёт предпосылки для преодоления «маятникового» развития страны от неэффективной мобилизации к стагнационной модернизации и обратно.

*Дмитрий Александрович Андреев,
Геннадий Аркадьевич Бордюгов*

**ПРОСТРАНСТВО ВЛАСТИ
ОТ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО ДО ВЛАДИМИРА ПУТИНА**
Краткий курс

Художественное оформление: *Евгений Марков*

Дизайн и верстка: *Сергей Щербина*

Издатель: *Александр Ушаков*

ISBN 5 - 86007 - 439 - 5

ИД № 01428 от 05.04.2000

Подписано в печать с оригинал-макета 9.02.2004

Формат 70×100 1/32. Бумага офс.

Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 12,0.

АИРО-XX

107207, Москва, Чусовская, д.11, 7

Телефон: (095) 466-1135

E-mail: airoxx@online.ru

Приглашаем подписаться на бесплатный каталог издательства «Дмитрий Буланин».

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН

199034, С.-Петербург

наб. Макарова, 4

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Российской Академии наук

Телефон/телефакс: (812) 235-1586

E-mail: Dbulanin@sp.ru

<http://www.Dbulanin.ru>